

Питер Флеминг Судьба адмирала Колчака. 1917-1920

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=617235
Судьба адмирала Колчака. 1917–1920: Центрполиграф; М.: 2006
ISBN 5-9524-2530-5*

Аннотация

Книга Питера Флеминга – это попытка серьезного и объективного исследования событий, происходивших в Сибири после революции. Приняв крест власти, адмирал Колчак стал Верховным правителем России в исключительно трудных условиях Гражданской войны и полного упадка государственной системы. Колчак был предательски выдан большевикам союзным командованием по распоряжению французского генерала Жанена. По приговору революционного суда в феврале 1920 года адмирал был расстрелян.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
1. Перспективы возобновления военных действий русскими	21
2. Японский паровой каток	22
3. Бои второстепенного значения	24
Глава 4	27
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Питер Флеминг

Судьба адмирала Колчака. 1917–1920

Эта книга – история неудач и поражений, в которой войска под командованием адмирала Колчака выглядят весьма неприглядно, однако необходимо отметить, что в их рядах сражалось немало храбрецов.

Я посвящаю сей труд ПЕТРУ СЕРГЕЕВИЧУ БОРОДИШИНУ, бывшему сержанту одной из сибирских армий.

Этот смелый, стойкий и находчивый человек долгие годы прожил в изгнании и одиночестве на болотистой северо-восточной окраине Тибета. В 1935 году он оказал неоценимую помощь двум юношам, затеявшим опасное путешествие. В последний раз они видели его, когда он отправился в обратный путь верхом на верблюде, посасывая свою неизменную длинную китайскую курительную трубку и окидывая пустынные окрестности печальным взглядом. Два года спустя Бородин был убит бандитами. Я вспоминаю его с благодарностью и глубочайшим уважением.

Предисловие

Интерес к событиям, описанным на этих страницах, зародился у меня осенью 1931 года, когда в возрасте двадцати четырех лет мне довелось впервые проехать по Транссибирской магистрали. Тогда я очень мало знал о Гражданской войне, закончившейся десятью годами ранее, однако, замечая остатки заграждений из колючей проволоки на подступах к большинству мостов и следы пуль на стенах станционных зданий, я начинал размышлять о сражениях, оставивших эти едва заметные следы в глухих уголках огромной безлюдной территории.

В последующие годы я подолгу жил в Маньчжурии и отдаленных районах Северного и Северо-Западного Китая, где слышал – зачастую от непосредственных участников – множество рассказов о Гражданской войне в Сибири. Мало-помалу в душе моей зарождался интерес к центральному действующему лицу тех печальных событий – адмиралу Колчаку. Не только русские белогвардейцы, но и жившие там европейцы почти неизменно говорили о нем с уважением и восхищением. Почему же тогда его миссия провалилась с таким треском? И что же в действительности привело его к бесславному концу? Предательство, как утверждало большинство? А если предательство, то чье? И каковы его причины? И при чем тут железнодорожный состав с золотыми слитками, фигурировавший во всех версиях этой истории?

В 1960 году что-то (я сейчас не могу вспомнить, что именно) оживило мое дремлющее любопытство. На мое объявление в «Таймс» откликнулся сын адмирала, который во время смерти отца был еще ребенком. Я – в четвертый раз – проехал по Транссибирской железной дороге до Иркутска, где погиб Колчак. В Англии и Франции я нашел людей, живших в Сибири во время Гражданской войны. Я взялся за изучение обширной литературы, разъяснявшей, дополнявшей или – как некоторые советские и белогвардейские источники – искажавшей реальную картину того, что случилось с человеком, чуть более года именовавшимся «верховным правителем России». Результаты моих трудов вы найдете в этой книге.

Политическая обстановка в тот период была сложной. Сибирь оказалась всего лишь одним из полудюжины российских театров военных действий, где Антанта осуществила интервенцию – но вовсе не в результате согласованной политики. Все страны Антанты и их союзники действовали исходя из собственных побуждений. Надежды, страхи и заблуждения, определявшие их мотивы, никогда подолгу не оставались постоянными, поскольку расстановка сил за пределами России то и дело стремительно менялась, нарушая связи и опрокидывая предположения – в большинстве своем необоснованные, – на которых строились планы стратегов Антанты.

Ход истории стал напоминать человека, завязшего в болоте. Выбираться необходимо, но стоит осторожно ступить вроде бы на твердую кочку, а в данном случае опереться на кажущийся неопровержимым факт, как факт превращается в иллюзию, словно почва, уходящая из-под ног. Трясина вздымается, выпуская отвлекающие внимание пузырьки. Так и историк тех событий, проворно перескакивающий на очередную «кочку» фактов, обнаруживает, что и она не в силах выдержать груза истины. В конце концов бедняга, совершавший все эти гимнастические упражнения в надежде объяснить происхождение пузырьков и значение колебаний, прибывает на сибирскую *terrafirma* (твердую землю) совершенно измученный. Как утверждает Джордж Ф. Кеннан, «любой, кто пытается вкратце изложить реальные причины сибирской интервенции, возлагает на себя почти невыполнимую задачу».

Я попытался как можно быстрее провести читателя через таинственное болото, с такой впечатляющей тщательностью нанесенное на карту истории другими авторами и, осо-

бенно, мистером Кеннаном. То, что говорилось, замышлялось и свершалось в столицах стран Антанты версальскими подстрекателями войны, а позже парижскими миротворцами, представляет завораживающий образчик международных отношений. Однако следует отметить, что стратегия союзников, хотя и играла важную роль в расстановке декораций и постановке драмы на сибирской сцене, весьма мало повлияла на манеру исполнения занятых в спектакле актеров.

В Сибири не гремели генеральные сражения, не сходились в смертельной схватке мощные кавалерийские корпуса, попеременно приносившие успех то белым, то красным в Южной России. Военные кампании Колчака не представляют особого интереса, и я не останавливаюсь на них подробно. Эта книга также не является попыткой рассказать о том, что происходило в лагере его врагов. Даже краткое изложение тягот и успехов советского правительства за тот период перегрузило бы книгу и нарушило хронологическое изложение событий, к коим деятельность Кремля имеет лишь косвенное отношение. Однако я не пренебрег описанием самых значимых военных действий 5-й армии красных и партизан.

Моя главная цель обозначена в заглавии этой книги. Я хотел с максимально возможной точностью выяснить обстоятельства поражения Колчака, предательства, с которым ему пришлось столкнуться, и его смерти. Думаю, я могу утверждать, что мне это удалось. Менее уверен я в том, что сумел дать полное представление о загадочной и противоречивой натуре Колчака, на удивление не соответствующей сложившемуся представлению о «русском характере». Колчак-человек и Колчак-диктатор – словно Джекил и Хайд, добро и зло в одном и том же человеке. Колчак-человек был честен и благороден до донкихотства – диктатор стоял во главе коррупционной и варварской государственной системы. Человек был рожден командовать – диктатор оказался неспособным осуществлять единоличную власть. Человек вызывал доверие и уважение – диктатор – неповиновение и ненависть. Я сделал все возможное, дабы решить проблемы, вызванные этими противоречиями, но и сейчас, как тридцать лет назад, адмирал Колчак для меня загадка.

Питер Флеминг

Нетлбед, Оксфордшир,

Апрель, 1963

Глава 1

Челябинский инцидент

Ранним утром 14 мая 1918 года в Челябинск, небольшой тогда городок, расположенный там, где Транссибирская железная дорога вырывается из предгорий Урала на обширную Сибирскую равнину, прибыл поезд с востока. Его вагоны были битком набиты австрийскими и венгерскими военнопленными из Сибири, подлежащими репатриации по условиям Брестского мира, который двумя месяцами ранее советское правительство вынужденно заключило с Германией и ее союзниками. В эшелоне не было ни русской охраны, ни австрийских или венгерских офицеров.

Через тот же челябинский вокзал, но только в обратном направлении прошло несколько поездов с солдатами 3-го и большей части 6-го полков Чехословацкого корпуса. У этих людей, в последнее время перевозимых на восток, не было гражданства, поскольку их родная Богемия все еще являлась частью империи Габсбургов. Однако в феврале большевистская власть объявила их автономной частью чехословацкой армии во Франции¹ и отправила во Владивосток. Оттуда, по решению Верховного военного совета союзников, им предстояло отправиться вокруг света на укрепление Западного фронта, еле выдерживавшего давление Германии.

Чехословацкие эшелоны в Челябинске были одним из звеньев разорванной цепи, с большими интервалами протянувшейся на 8 тысяч километров от Волги до Тихого океана. На железнодорожных путях находилось шесть или семь десятков поездов (впоследствии это число удвоилось). Первые эшелоны уже достигли Владивостока, но движение замыкающих замедлилось и стало непредсказуемым, а в конце апреля фактически остановилось.

Пассажиры поездов, встретившихся в Челябинске, не питали взаимных дружеских чувств. Возвращавшиеся военнопленные считали чехов² предателями, поскольку многие из них были дезертирами или при первой же возможности сдались царским войскам, а чехи видели в австрийцах и венграх ненавистную *расу господ*, олицетворявшую тиранию, от которой они жаждали избавиться. Более же близким поводом к раздражению чехов являлось то, что эшелоны с военнопленными, и так, к их зависти, направлявшимися домой, пропускались железнодорожниками в первую очередь. Германия, обеспокоенная слухами о намерении Японии оккупировать Сибирь, настаивала на немедленной эвакуации военнопленных из этого региона. Перевозка пленников по железной дороге, перегруженной и до революции, а теперь совершенно дезорганизованной, и была одной из причин задержки эшелонов с чехами. Для обеих групп, озлобленных простоями, неопределенностью и лишениями, встреча на челябинском вокзале таила опасности.

На протяжении войны в России обращались с пленными часто весьма бестолково и потрясающе некомпетентно, и, когда те жаловались на голод, чехи и словаки, по натуре не воинственные, делились с ними своими пайками.

Несмотря на это, многие из прибывших на станцию австрийцев и венгров вели себя надменно и оскорбительно, и, когда поздним утром просвистел свисток, они вернулись в вагоны разозленные. Как только поезд медленно тронулся с места, кто-то из находившихся в последнем вагоне выкрикнул грязное ругательство на венгерском языке, прекрасно понятное

¹ По численности эта «армия» составляла примерно одну бригаду. Еще одна бригада в тот же период формировалась на итальянском фронте. Оба соединения принимали участие в боевых действиях в последние недели войны, закончившейся в ноябре 1918 г. (*Здесь и далее примеч. авт., кроме особо оговоренных случаев.*)

² Здесь и далее словами «чехи», «чешский» обозначаются, как правило, и чехи, и словаки. Так говорили и писали и во время излагаемых в книге событий. (*Примеч. ред.*)

словаками, и швырнул крупный обломок чугунной печки в группу чешских солдат – один из них упал на землю, из раны на голове хлынула кровь.

Это переполнило чашу терпения чехов. Они вскарабкались на локомотив, остановили не успевший набрать скорость поезд, высадили из последних трех вагонов человек семьдесят или восемьдесят и потребовали назвать виновника, которого никто из стоявших на платформе не разглядел. Поначалу австро-венгры отказались, но чехи угрожали оружием, а у военнопленных, более всего желавших продолжить путь к свободе, не было времени проявлять героизм. Провинившегося венгра выдали, и чехи повесили его на месте, а поезд, натужно пытаясь, двинулся к Уралу.

На протяжении весны 1918 года по разным причинам хладнокровно или сгоряча было жестоко истреблено множество людей. На Западном фронте немцы, французы, британцы и американцы убивали друг друга десятками тысяч. Военные действия не утихали на Итальянском фронте. В России, хотя террор еще не разгулялся, человеческая жизнь ценилась дешево. Однако во всей этой бойне никакая другая смерть одного-единственного человека не имела таких далеко идущих последствий, как смерть венгра, скоропалительно казненного на далекой сибирской станции, ибо, как сформулировано в одном из авторитетных источников, «эта малоизвестная ссора... была той искрой, из которой разгорелось пламя Гражданской войны на бескрайних просторах России».

Местные представители советской власти, запоздало прибывшие на место происшествия с отрядом Красной гвардии, объявили о создании комиссии по расследованию инцидента и, после неизбежных споров, нескольких чехов, как свидетелей, забрали в город, находившийся в то время примерно в 5 километрах от станции. Два дня об этих людях ничего не знали, и в Челябинск отправилась делегация под руководством чешского офицера, чтобы потребовать их освобождения, но за все свои хлопоты делегация была арестована и отправлена в тюрьму.

Чехи знали, что позиции большевиков в регионе весьма шатки, и, хотя челябинский гарнизон насчитывал около двух тысяч человек, власти не были уверены в его поведении в критический момент. Чешское командование решило действовать нагло, и в центр города вошли два батальона, для вооружения которых были использованы все имевшиеся у чехов ресурсы.

Наглость себя оправдала. Власти выпустили задержанных и принесли извинения, но заявили, что заведенное дело будет направлено в Москву. Тем временем поезда с чехами все еще стояли на запасных путях. Теперь речь шла не о том, когда они будут отправлены, а будет ли им вообще позволено двигаться на восток. Чем жарче пригревало майское солнце, тем сильнее сожалели застрывшие в Челябинске чехи о том, что по прибытии не разместили отхожие места подальше от поездов.

История и статус (в 1918 году первая была коротка, а второй – неокончательно оформлен) чехословацкого национального движения будут представлены в одной из последующих глав. Сейчас же достаточно отметить, что к середине мая 1918 года множились признаки того, что по ряду причин советское правительство раскаивалось в своем решении позволить Чехословацкому легиону³

покинуть территорию России (где несколькими неделями ранее он сражался вместе с Красной армией против немцев) и проследовать на Западный фронт через Владивосток и в любой момент могло свое решение аннулировать.

³ В российских документах и историографии – Чехословацкий корпус: сами чехословаки называли его Русский легион – по месту формирования. (Примеч. ред.)

Решение выпустить легион из страны приняли в Москве 15 марта, и на тот момент оно казалось вполне разумным. Присутствие в России 42-тысячного контингента иностранных войск, жаждавшего продолжать войну, из которой сама Россия вышла, было парадоксально, однако, как братья-славяне и до недавнего времени товарищи по оружию, стойко сражавшиеся против общего врага, чехи заслуживали уважения. У Москвы были все возможные мотивы для обеспечения их вывода, но не для их задержки.

Однако в последующие два месяца ситуация изменилась. На границах Маньчжурии и Сибири, в дальнем конце железнодорожной магистрали, по которой двигались чехи, поднял знамя контрреволюции казачий атаман Семенов (о нем будет подробнее рассказано далее). Он был известен как сторонник Антанты, и советские правители вполне обоснованно начали сомневаться в разумности соглашений, ведущих к тому, что на театр военных действий с Семеновым вводилось компактное соединение экспедиционных войск – Чехословацкий легион, – по сути находившееся под командованием Антанты.

Эти опасения заставили Москву настаивать на частичном разоружении чехов, дабы они путешествовали не как войсковые части, а как группы свободных частных граждан, имеющих некоторое вооружение для защиты от нападений контрреволюционных сил. В теории каждому эшелону полагалось 168 винтовок с 300 патронами на винтовку и один пулемет с 1200 патронами, но на практике чехи, в хитрости и материальных возможностях всегда превосходившие русских, без труда спрятали в поездах гораздо больше вооружения. Хотя русские считали оружие своим, процесс сдачи некоторого его количества проходил с разногласиями и отсрочками в атмосфере взаимного недоверия. 14 апреля офицеры 1-й чешской дивизии (состоявшей в основном из западных частей) тайно решили больше вообще оружия не сдавать.

К тому моменту развитие событий на востоке еще более ослабило надежды чехов на эвакуацию. Во Владивостоке (где чуть позже продолжительное отсутствие транспортных судов для вывода легиона из России еще больше усилило подозрение Москвы насчет истинной роли чехов в планах империалистов) находилось несколько военных кораблей Антанты, главной обязанностью которых было следить за огромными военными складами в доках и по соседству с ними. Это имущество, общей стоимостью приблизительно один миллиард американских долларов, доставили в Россию союзники, от которых она отступилась. За него не только не было заплачено, но его могли перевезти на Запад, и оно могло попасть в руки немцев. В отличие от остальной Сибири Владивосток официально не находился под контролем Советов, однако большевики в городе становились все влиятельнее, вели себя все агрессивнее и дерзко пользовались своими преимуществами. Кроме всего прочего они начали систематически вывозить со складов военные припасы товарными поездами.

4 апреля во Владивостоке неизвестные стреляли в троих японских подданных – чиновников конторы, занимавшейся отправкой грузов. Один из них был убит. На следующий день, проконсультировавшись со своим генеральным консулом, японский адмирал высадил двести матросов и морских пехотинцев, а впоследствии отправил им подкрепление. Старший по званию британский морской офицер капитан Пейн приказал сойти на берег пятидесяти морякам корабля ВМС Великобритании «Суффолк». Американский адмирал Найт, подчиняясь приказам из Вашингтона, вмешиваться не стал. Французских военных кораблей в порту не было.

Японцы и британцы всего лишь приняли меры предосторожности, к тому же по инициативе местных властей.

Во Владивостоке сложилась напряженная и неопределенная ситуация, и десантные отряды предназначались для защиты жизни и имущества иностранцев, если события выйдут из-под контроля. Однако уже некоторое время в Москве всерьез опасались вторжения японцев в Сибирь. В марте 1918 года газета «Известия» резко отреагировала на сообщения

о высадке десанта, используя такие выражения, как «патриотический долг» и «советская Родина», находившиеся прежде под идеологическим запретом. Причем для народа, традиционно свободного от расовых предрассудков (за исключением антисемитизма), сильнейшее отвращение, с которым русские отзывались об японской угрозе, просто удивительно⁴. Здесь наблюдался полный контраст с покорностью судьбе, проявленной после подписания Брестского мира, по условиям которого германские армии оставались на оккупированной ими территории России. Пожалуй, разгадку этой избирательной ксенофобии дал Троцкий в июне 1918 года, заявив, что если бы ему пришлось выбирать между немцами и японцами, то в качестве завоевателей он предпочел бы первых, так как немцы – более культурный и образованный народ с большим количеством рабочих и, следовательно, более способны к осознанию происходящего – то есть к свержению существующего строя, а значит, революции. Японцы же – совершенно чуждый народ, в России не знают их языка, и японский рабочий класс менее сознателен.

Что бы ни скрывалось за страхом России перед Японией, новости о морском десанте 5 апреля вызвали волну возмущения, смешанного с паникой. В правительственном манифесте в тот день провозглашалось: «Рабочие и крестьяне! Новая страшная угроза грядет с Востока!» Странам Антанты по немногим пока открытым полудипломатическим каналам были отправлены яростные протесты. Как неизбежный результат, продвижение чешских эшелонов к Тихому океану еще более замедлилось, а по приказу от 21 апреля совершенно прекратилось.⁵

В Москве известие об инциденте в Челябинске (где чехи уже успели занять железнодорожную станцию и ее окрестности) вызвало сильнейшую реакцию. 20 мая были арестованы два ведущих члена русской секции Чехословацкого национального совета Макса и Чермак. Их заставили подписать телеграмму с приказом всем чешским военным частям сдать оружие советским властям. На следующий день Аралов, заместитель Троцкого в наркомате по военным и морским делам, опрометчиво издал приказ, по которому чехи либо реорганизовывались в трудовые батальоны, либо призывались в ряды Красной армии. 23 мая за его же подписью последовали еще более суровые и точные инструкции: чехов задержать, разоружить и расформировать. А в конце концов, 25 мая, в дело вмешался Троцкий, послав всем местным властям вдоль железнодорожной магистрали телеграмму, категорически запрещающую дальнейшее продвижение на Восток всех чешских эшелонов и предписывавшую – среди прочих крутых мер – любого чеха или словака, обнаруженного с оружием в руках, расстреливать на месте. Отсрочка в исполнении этих приказов объявлялась предательством и влекла за собой жесточайшие наказания.

В России контроль над железнодорожной станцией означал контроль над всей информацией, проходящей по телеграфной линии, или как минимум доступ к ней. Поскольку телеграммы из Москвы не шифровались, чехи, находившиеся в Челябинске, оказались в курсе предписаний правительства. Как раз тогда проходил съезд делегатов из ряда других чешских частей, и уже было принято два важных решения: во-первых, объявить циркулярной телеграммой, что легион отныне не будет сдавать никакого оружия до тех пор, пока «мы не получим гарантии свободного выезда»; во-вторых, игнорировать приказ об изменении маршрута поездов, находящихся западнее Омска, и отправке их в Архангельск. (Данный приказ советского правительства фактически в точности отражал стратегию Антанты на тот

⁴ Если, конечно, не учитывать печальную память Русско-японской войны с ее большими людскими потерями и отторгнутыми территориями. (Примеч. ред.)

⁵ Десять дней спустя условия смягчились. Эшелоны, уже находившиеся восточнее Омска, могли следовать дальше. Те, что находились западнее Омска, отправлялись по новому маршруту – в Архангельск для эвакуации из этого северного порта.

момент и стал для ее неофициальных московских представителей маленьким триумфом, однако, когда чехам запоздало это объяснили, они так и не увидели ни смысла, ни большой опасности в изменении плана, по которому их войска разделялись на две совершенно оторванные друг от друга части.)

Итак, когда делегаты съезда перехватили угрожающую телеграмму Аралова, они уже были настроены непримиримо, и телеграмма Троцкого от 25 мая, практически объявившая им войну, убедила их в том, что единственный способ выбраться из России – пробиваться с боями. Соответствующие приказы были разосланы по Транссибирской магистрали в обоих направлениях, и на рассвете 27 мая красный гарнизон Челябинска был без труда блокирован и разоружен.

Повсюду стремительные и решительные действия чехов приносили им аналогичный успех, хотя иногда приходилось вести тяжелые бои. 26 мая был взят Новониколаевск, 29-го – Пенза, 31-го – Петропавловск и Томск, а через неделю пал Омск. В Мариановке и одном-двух других городках чехи понесли потери в неожиданных атаках и засадах, но везде им удалось одержать верх, и ни один их даже самый слабый и изолированный отряд не потерпел поражения.

Можно загнать противника в ситуацию, когда у него не остается другого выхода, кроме как вступить в бой, а именно так поступил Троцкий с чехами. Однако в войне подобная тактика окупается редко. В мае 1918 года советское правительство испытывало давление и угрозы со всех сторон, ощущало нехватку во всем и по вполне понятным причинам находилось в отчаянии, но если бы Троцкий подавил свой воинственный порыв, если бы использовал хитрость вместо силы, то чехи никогда не стали бы (по выражению Ллойд Джорджа и многих других) «определяющим фактором» интервенции Антанты в Сибири⁶. Чехи вовсе не хотели сражаться с большевиками. Их солдаты в Сибири, их политические лидеры в Вашингтоне и Париже, их главный покровитель, французское правительство, страстно желали одного и того же – вывести легион из России. Это же было и главной целью советского правительства. С такими многочисленными и мощными факторами в пользу первоначально взятого курса на эвакуацию – хотя бы пока этот курс не противоречил интересам Советов – действия Троцкого по ускорению прямого столкновения были в лучшем случае преждевременными, а в худшем – грубой ошибкой.

Его кровавый приказ от 25 мая ясно свидетельствует о двух обстоятельствах. Во-первых, Троцкий полагал, что разбросанные чешские эшелоны находятся всецело в его власти. Во-вторых, он боялся, что легион представляет или будет представлять опасность для государства. Он ошибался, а если бы и был прав, то есть если бы чехи в конце мая находились в ловушке, ничего бы не изменилось ни через неделю, ни через месяц. Если бы он получил доказательства обоснованности своих страхов, то мог бы в любой момент захлопнуть капкан, а в отсутствие подобных доказательств мог бы на своих собственных условиях позволить чехам медленно тащиться по Сибири. В конце концов, авторитету советской власти в Челябинске они нанесли незначительный урон, и ситуация не выглядела взрывоопасной даже в местных масштабах. Все можно было бы уладить, позволив чехам продолжать их путь. Никаких причин для истерик. Троцкий же в порыве раздражения запустил необратимые процессы, в результате которых большевистская власть была сброшена на Урале и в Сибири и появился повод для интервенции Антанты в этом регионе.

Троцкий заблуждался, его страхи не имели реальных оснований, во всяком случае в тот момент. Его действия, вернее, попытки действий против чехов дали совершенно проти-

⁶ Некоторые коммунистические историографы заходят настолько далеко, что предполагают, будто Троцкий намеренно спровоцировал чехов, действуя в интересах Антанты.

воположный результат. Троцкий намеревался ликвидировать незначительную потенциальную угрозу советской власти, но на самом деле создал опасность, которую нельзя назвать ни незначительной, ни потенциальной.

Глава 2

Первые приказы

В 1914 году, вступая в войну против Германской и Австро-Венгерской империй, Франция и Великобритания возлагали большие надежды на своего восточного союзника. Однако очень скоро выяснилось, что «русский паровой каток», несомненно тяжеловесный, плохо сконструирован и ненадежен. Уже через несколько месяцев он норовил катиться назад и требовал огромного количества военных припасов, которые приходилось отрывывать от Западного фронта.

Несмотря на это, Россия как воюющая сторона более трех с половиной лет оставалась одной из стен арены, на которой велась окопная война. В штабах Жоффра и Хейга всегда имелась про запас другая карта. На ней желтыми и черными булавками можно было набросать еще более унылую картину, чем та, которую создавали синие и красные булавки ближе к родным пенатам. Все же была и светлая сторона: русский фронт, причем очень длинный, *существовал* и сковывал сотни тысяч вражеских солдат, которым противнику приходилось целыми составами постоянно подвозить продукцию задыхавшихся фабрик и заводов: винтовки, патроны, снаряды, сапоги, перевязочный материал, велосипеды, упряжь и выючные седла, лекарства и хирургические инструменты, колючую проволоку и полевые телефоны, кирки и лопаты, короче, все то войсковое имущество, которое армии не могли ни смастерить сами, ни реквизиовать у населения. Русский фронт, даже когда дела шли хуже некуда, неизменно отвлекал на себя внимание германского Верховного командования, и с самого начала войны именно этот непреложный факт накладывал отпечаток на планы, строившиеся в лагере западных союзников.

Именно поэтому Франция и Великобритания с недоверием, тревогой и возмущением наблюдали за неожиданным выходом России из войны. 8 ноября 1917 года, после захвата большевиками власти в Петрограде, «рабочее и крестьянское правительство... опиравшееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», ставшее *defacto* властителем России, призвало все воюющие стороны «начать немедленные переговоры, о справедливом и демократическом мире». Через три недели германское правительство дало благоприятный ответ, а через шесть недель Россия подписала перемирие с центрально-европейскими державами⁷ в Брест-Литовске, и бои на Восточном фронте прекратились. Они снова разгорелись в середине февраля, когда мирные переговоры сорвались и германские войска перешли в наступление, практически не встречая никакого сопротивления. Когда же наконец 3 марта 1918 года в Брест-Литовске заключили мирный договор, Германия (тем временем заключившая сепаратный мир с новым правительством Украины) занимала прибалтийские земли, большую часть Белоруссии, всю Украину, Крым, Южную Россию вплоть до реки Дона. Разумеется, необходимо было управлять этими территориями, ставить гарнизоны и вывозить ценности, однако для выполнения этих задач годились и вспомогательные войска, а потому зимой 1917/18 года германское Верховное командование смогло перевести с Восточного фронта на Западный около сорока передовых дивизий. Вместе с ними было переброшено огромное количество вооружений: вся артиллерия, авиация, танки и другое снаряжение, предназначенное для фронта, прекратившего свое существование.

Триумф большевизма был политическим феноменом, все аспекты которого вызывали отращение в бывших союзниках России, однако самые непосредственные и пока самые

⁷ Имеются в виду Германия, Австро-Венгрия и их союзники. Колчак употреблял такое имевшее хождение в то время определение – «союз срединных империй». (Примеч. ред.)

важные его последствия вне России носили военный характер. 21 марта 1918 года немцы осуществили свое последнее и самое мощное наступление на Западе, жертвой которого пала 5-я британская армия. Рухнул весь Западный фронт. Париж подвергся обстрелу дальнобойной артиллерии. И словно прорвало плотину – газеты снова затопило напечатанными мелким шрифтом бесконечными списками погибших. В эти недели безнадежного отчаяния и зародилась идея интервенции. То же самое случилось бы, если бы большевики были буддистами, или либералами под руководством Гладстона, или кем бы то ни было. Интервенция вызрела из того, что казалось военной необходимостью, из ситуации, грозившей неминуемым поражением.

Советские историки, как язвительно отмечает Кеннан, предпочли проигнорировать эту истину, отбрасывая, искажая или же изобретая необходимые доказательства, дабы «поставить исторические факты с ног на голову и создать картину, в которой реальные события того периода становятся абсолютно непонятными». Они стремились представить интервенцию как империалистический заговор, легкомысленный и беспринципный одновременно, спровоцированный завистью, жадностью и страхом и поставивший целью задушить в зародыше Советское государство. В этой карикатуре можно узнать интервенцию, какой она *стала*, но первопричины неудачной политики лежали – и сей факт невозможно оспорить – в крайней необходимости возместить колоссальные потери, понесенные союзниками России из-за ее дезертирства.

Надо признать, что к осени 1917 года, еще до того, как большевики вырвали власть у Временного правительства, русские армии пали духом, а в народе недоумение и покорность судьбе уступили место апатии. Наблюдалось открытое недовольство. Руководство не справлялось со своими задачами. Однако даже учитывая все это, оспаривать важность того, будет ли Россия продолжать сопротивление или сложит оружие, означает упускать два существенных момента.

Первый: противник, отказывающийся признать поражение, даже когда ему явно грозит разгром, остается по меньшей мере помехой и во избежание неблагоприятнейших последствий должен быть уничтожен (эта проблема встала перед Гитлером на побережье Ла-Манша двадцать три года спустя). К осени 1917 года немцы далеко продвинулись в уничтожении России, однако в свое время то же случилось и с Наполеоном. Обговаривая условия (кои в данном случае диктовались немцами), советские лидеры выбрали единственный курс, который полностью развязывал германскому Верховному командованию руки на Востоке. Причем Советы действовали столь поспешно, что у немцев осталось более четырех месяцев на передислокацию войск перед новой военной кампанией.

Второе важное обстоятельство: ни Франция, ни Британия не сознавали и даже отдаленно не представляли, насколько плохо обстояли дела в России в 1917 году. Оба правительства получали тревожные доклады от своих представителей в Петрограде и других местах, но уже давно все известия из России были тревожными, а в год Пашенделя и Капоретто⁸ союзники были склонны рассматривать события в России с некоторым безразличием и, может, даже испытывали в том потребность. Они немного ждали от России. Но они не ожидали самого худшего. Так что, когда наихудшее случилось и союзники вдруг увидели, что отныне Германия может сражаться с ними обеими руками, они не собирались ни делать скидок новой России, ни признавать, что старая находилась на грани разорения и истощения и не явилась большой потерей. Вспоминая огромные надежды, которые они когда-то возлагали на Россию, торжественные договоры, подписанные с ней, и предоставленную ей огромную финансовую и материальную помощь, союзники видели в нарушении ею обязательств

⁸ Капоретто – населенный пункт в Северо-Восточной Италии, около которого в октябре 1917 г. итальянская армия была разбита германо-австрийскими войсками. (Примеч. пер.)

обыкновенное предательство и вскоре почти убедили себя в том, что это непредвиденное развитие событий, столь благоприятное с точки зрения Германии, вызвано немецкими заговорами и подкупом.

Оба эти предположения ошибочны. Ленин, Троцкий и их соратники не были заинтересованной стороной в войне. Поскольку в их идеологии не оставалось места концепции преданности империалистическим союзникам, разговоры о предательстве были выше их понимания – подобные обвинения казались этим фанатикам скорее несерьезными, чем обличительными.

Однако чисто по-человечески западные союзники не могли не формулировать подобные теории и делать из них выводы. Отсюда, основываясь на страшных реалиях войны, следовало создавать такую моральную и эмоциональную атмосферу, в которой безотчетно лишь на советское правительство возлагалась бы вина за любые неудобства, связанные с восстановлением в России антигерманского фронта, который она своевольно разрушила.

До бесславного провала 1920 года интервенция прошла путь от скромного начала за Полярным кругом до полудюжины театров военных действий. В каждом случае мотивы и поводы у союзников были разными, так же как их роль и ответственность. Их поддерживало и им противостояло поразительное множество политических и национальных групп. В Баку, например, британские войска сражались бок о бок с армянскими революционерами, тщетно пытаясь спасти город от турок. В Прибалтийских государствах в 1919 году в пеструю толпу антибольшевистских сил, напрямую или косвенно получавших выгоду от интервентской политики Британии, входили и немецкие добровольцы. Единственная характерная общность всех этих театров военных действий настолько очевидна, что ее легко можно проглядеть. Речь идет о *доступности* – Антанта вторгалась в Россию везде, где это было физически возможно сделать.

В период войны застой неестественен, слабость неприлична – комбинация этих двух составляющих почти всегда способствует появлению заумных необоснованных планов, нацеленных на продолжение войны окольными путями. Зимой 1917/18 года союзные державы не могли собственными силами снова открыть Восточный фронт против Германии и неизбежно начали изыскивать альтернативный способ достижения того же результата. Не прошло и двух месяцев после большевистской революции, как военные представители Верховного военного совета рекомендовали «непременно оказывать поддержку всем национальным группам (в Южной России), полным решимости продолжать войну, всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами», и первые двадцать из многих миллионов фунтов стерлингов отправились в карманы казацких и украинских лидеров. Из этих лидеров самым известным – пожалуй, уместнее сказать модным – был казацкий атаман Каледин, хотя, как докладывал с места событий один британский офицер, калединское войско (начитывавшее в начале декабря две роты с обещанием сформировать еще три) было «абсолютно никуда не годным и дезорганизованным». Дело в том, что Каледин, человек честный, был лидером местного значения, заинтересованным лишь в обеспечении автономии для своей казацкой родины на Дону, но ни в коей мере не стремился «продолжать войну», и выбор его кандидатуры союзниками в качестве их первого *протеза* на русской земле нельзя назвать удачным.

Правда, существовал неопределенный проект создания где-то в Южной России некоего бастиона или плацдарма, на который будут направляться или вокруг которого будут объединяться румынская армия, украинцы, выходцы из Закавказья и кто угодно, кого военные представители Верховного военного совета довольно оптимистично называли «нашими

друзьями в России»⁹. В этой политико-стратегической фантазии центральная роль отводилась территории донских казаков. Хотя представители британского правительства в России настойчиво предупреждали, что Каледину и его казакам ни в коем случае нельзя доверять, в декабре 1917 года британское Военное министерство вынесло решение выделить атаману «финансовую помощь в любых необходимых размерах», что свидетельствовало об отчаянии, господствовавшем в высших сферах.

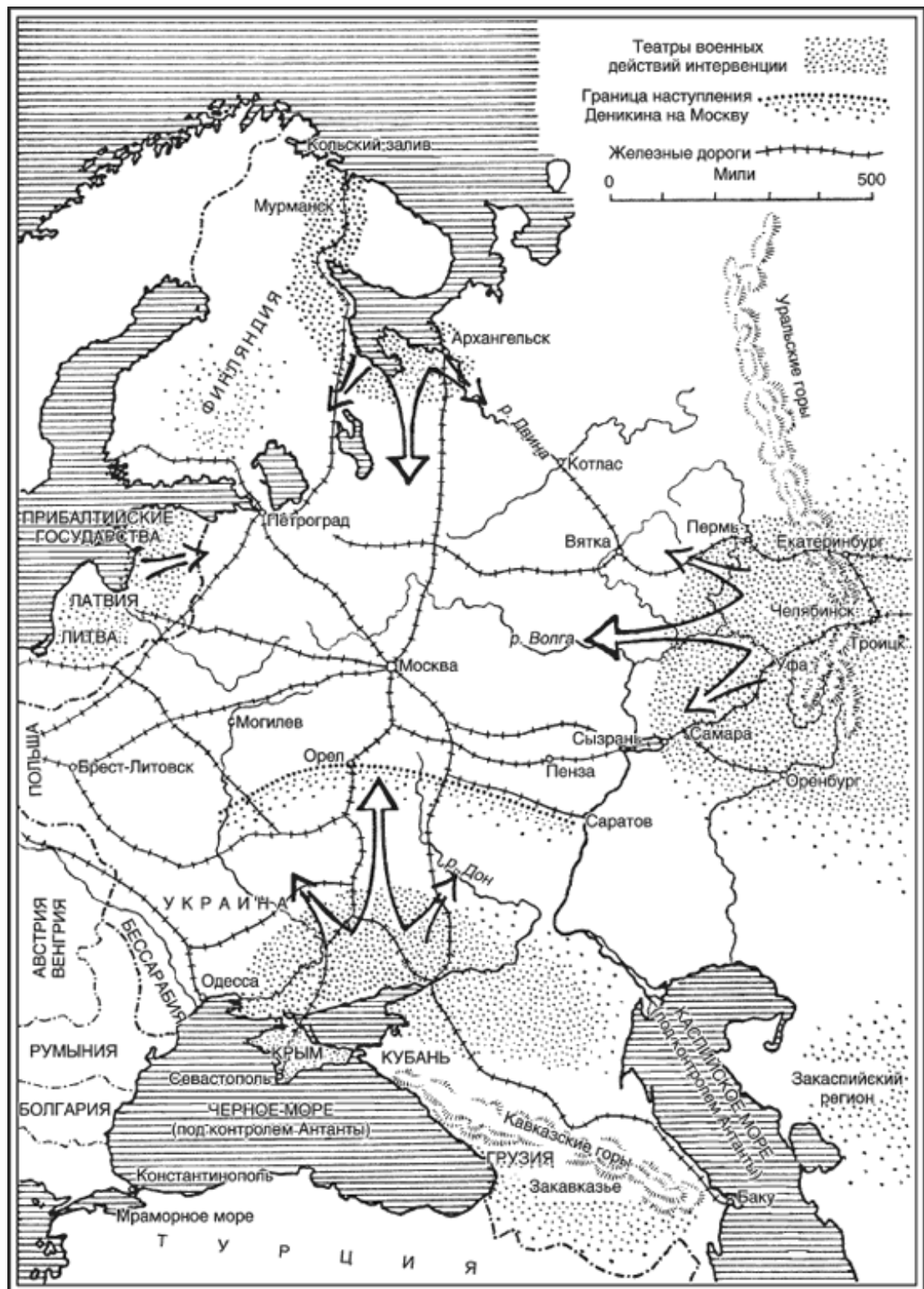
В течение всего периода интервенции неизменно существовало расхождение между тем, что политики намеревались сделать, и тем, что происходило на самом деле. Перевод денег в штаб Каледина на Дону представлял технические трудности, и до 11 февраля 1918 года, когда Каледин, растеряв большинство своих казаков, пустил себе пулю в лоб, он так ничего и не получил ни из Лондона, ни из других столиц западных союзников.

Решение поддержать Каледина приняли в Лондоне 3 декабря 1917 года. Три дня спустя британский посол в Токио отправил в министерство иностранных дел необычную просьбу от имени некоей высокопоставленной особы. Его русский коллега, докладывал сэр Коннингэм Грин, привел в британское посольство бывшего командующего Черноморским флотом адмирала Александра Васильевича Колчака. Адмирал Колчак официально предоставил себя «без всяких условий и в любом качестве в распоряжение правительства Его Величества» и выразил желание «сражаться, если возможно, на суше на Западном фронте и, если потребуется, в чине рядового».

Судя по тому, что этим благородным предложением занялся лично министр иностранных дел (12 декабря Бальфур запросил мнение адмиралтейства по этому вопросу), Лондон воспринимал Колчака серьезно. В отличие от Каледина, о характере и способностях которого практически ничего не было известно, Колчак имел отличную репутацию. Молодым офицером он отличился в исследовании Арктики, храбро сражался в Русско-японской войне, а в последующие годы, оставаясь в тени, играл ведущую роль в реорганизации адмиралтейства в Петрограде. Во время войны против Германии русский военный флот, запертый в Балтийском и Черном морях, имел мало возможностей для исправления своей репутации, пострадавшей в начале века в войне с Японией, однако выдающиеся способности Колчака как командующего были отмечены званием контр-адмирала в возрасте сорока трех лет, что было беспрецедентно для России¹⁰. Год спустя, в июне 1916-го, он получил чин вице-адмирала и был назначен командующим Черноморским флотом, где проявил и военный, и административный таланты. Когда под натиском революции дисциплина на флоте в конце концов рухнула, Колчак сложил с себя обязанности командующего, но наградного оружия не сдал, демонстративно бросив за борт золотую саблю во время общего собрания на палубе флагманского корабля. Затем адмирал принял приглашение военно-морского департамента США возглавить небольшую техническую миссию в Америку. Он возвращался в Россию через Тихий океан, когда его настигли новости о большевистской революции и грядущем выходе России из войны. Телеграмма из британского посольства в Токио отразила его реакцию на эти новости.

⁹ Представление о надеждах и заблуждениях, преобладавших в то время, дает послание, отправленное в Военное министерство британским военным представителем на Кавказе 1 января 1918 г. К апрелю этот офицер докладывал, что существует надежда создать новую армию из шести корпусов, состоящих из грузин, армян, русских добровольцев, ассирийцев и греков.

¹⁰ Прецеденты были. М.П. Лазарев контр-адмирал – в 38 лет, П.С. Нахимов – в 43, В.И. Истомин – в 42, С.О. Макаров – в 42 и др. Заметим, однако, что и Колчак, подобно им, получал свои чины за действительные отличия, а не «по случаю», не по связям. Командующий Балтийским флотом Н.О. Эссен перед смертью весной 1915 г. считал Колчака своим естественным преемником, однако именно по «молодости» и недостатке связей на самом верху Колчак этого, особо престижного, назначения не получил. (Примеч. ред.)

Карта № 1. Театры военных действий интервенции.

Колчак обладал сильным чувством персональной ответственности. Свои услуги британскому правительству он предложил, как объяснял позже, потому, что «считал своим долгом, как один из представителей бывшего правительства, выполнить обещание союзникам; что те обязательства, которые были взяты Россией по отношению союзников, являются и

моими обязательствами... и что поэтому я считаю необходимым выполнить эти обязательства до конца и желаю участвовать в войне, хотя бы Россия и заключила мир при большевиках».

В то время русские офицеры были склонны к театральным поступкам, однако просьба Колчака позволить ему «сражаться, если возможно, на суше на Западном фронте и, если потребуется, в чине рядового» была высказана не ради внешнего эффекта. Как он говорил на допросе два года спустя, «я знал хорошо английский флот, знал, что английский флот, конечно, не нуждается в нашей помощи... Затем, на что же я мог надеяться, идя в их флот? Я был командующим Черноморским флотом. Я бы пошел на какие угодно условия, но сами англичане, которые меня хорошо знают, были бы в ложном положении. Если бы я был молодой офицер, то меня бы могли назначить на какой-нибудь миноносец, но тут создалось бы нелепое положение. Вот почему я подчеркнул, что желаю идти в армию, хотя бы простым солдатом». Честность мотивов Колчака вне сомнений.

29 декабря министерство иностранных дел официально приняло предложение Колчака и через британского посла сообщило, что в ближайшее время будет решено, где его можно использовать с максимальной пользой. Тем временем Военное министерство (которое на всех этапах активнее других правительственных учреждений интересовалось интервенцией) взяло судьбу Колчака в свои руки, и в начале января 1918 года посольство в Токио получило просьбу обеспечить его путешествие в Месопотамию.

Какую именно службу имел в виду для Колчака Генеральный штаб, теперь неизвестно и вряд ли когда-либо прояснится, однако в те самые дни, когда рассматривалось предложение Колчака, в Лондоне приняли решение отправить из Багдада на Кавказ военную миссию под руководством генерала Денстервила. Отряд англичан под командованием Денстервила, как выяснилось позже, должен был взаимодействовать с маленьким, но отважным русским контингентом в Северной Персии, отказавшимся признать Брестское перемирие. Вполне вероятно, Колчаку отводилась некая роль в этом смелом предприятии, главной целью которого было не дать туркам захватить контроль над бакинскими нефтяными скважинами и создать на берегах Каспийского моря плацдарм для наступления на Индию.

С двумя из четырех морских офицеров, сопровождавших его из Америки, Колчак сел на первый же корабль, направлявшийся из Йокогамы в Шанхай. Там, в ожидании следующего рейса, ему пришлось задержаться на три недели, в течение которых его дела опять привлекли внимание министерства иностранных дел. В первые дни февраля 1918 года князь Кудашев, русский посол в Китае, обратился к британскому послу сэру Джону Джордану. По словам князя, он хотел проконсультироваться с Колчаком насчет Сибири и спрашивал, нет ли возможности привезти адмирала в Пекин. Колчаку, задержавшемуся в Шанхае, передали это предложение, но он не заинтересовался и ответил, что собирается в Месопотамию и не может менять свои планы без санкции британского правительства, приказам которого считает себя обязанным подчиняться. Тогда Джордан передал просьбу Кудашева в Лондон.

Министерство иностранных дел, а вероятно, и Военное министерство все еще стремились как можно быстрее доставить Колчака в Месопотамию. 10 февраля соответствующее послание передали адмиралу в Шанхай по британским консульским каналам. Начальник военной разведки, на том этапе руководивший передвижениями Колчака, возможно, в целях безопасности не известил Гонконг о приезде выдающегося добровольца, и по прибытии в порт адмирал столкнулся с неприятной необходимостью отмечаться в полиции каждый раз, как он сходил на берег.

Следующим портом захода был Сингапур. Адмирал достиг его 11 марта, и к этому моменту Военное министерство изменило свое решение. «Ваше тайное присутствие, – телеграфировал начальник военной разведки, – более желательно в Маньчжурии». Ситуация на Дальнем Востоке изменилась: князь Кудашев и акционеры Китайско-Восточной желез-

ной дороги хотели видеть адмирала в совете директоров. Это известие недельной давности передал Колчаку командующий британскими владениями на полуострове Малакка генерал Ридаут. Адмирал разгневался.

Он вызвался добровольцем сражаться на стороне стран Тройственного согласия, предпочтительно на Западном фронте, а не заниматься нелегально коммерческой деятельностью на китайской территории. Смешно предполагать, что один из самых известных военных деятелей России сумел бы сохранить инкогнито в большой русской колонии в Маньчжурии. А если его присутствие там было действительно необходимо, то почему британцы не смогли предвидеть это месяц назад, когда Колчак и двое его спутников находились в Шанхае? Князь Кудашев тогда обращался к британцам, но они отвергли его просьбу и вынудили Колчака – за его собственный счет – обойти морем пол-Азии. Адмирал действительно имел все основания для гнева.

Однако сильнее гнева было его недоверие к «подводным течениям», вызвавшим (как он сильно подозревал) эти изменения планов. Китайско-Восточная железная дорога была русским концерном; за этой ширмой под вывеской Русско-Азиатского банка скрывалась масса финансистов и концессионеров, о которых Колчак имел весьма низкое мнение. Еще в Шанхае они намекали ему о планах использовать его имя и репутацию для развития бизнеса, отдаленно связанного – или вовсе не связанного – с продолжением войны. По слухам, адмирал пробормотал что-то о торговцах-мошенниках, когда отправлялся на беседу в штаб-квартиру генерала Ридаута.

Результатом этой беседы стала телеграмма в Военное министерство, в коей Ридаут докладывал, что если следует рассматривать известия о Маньчжурии как приказ, то Колчак подчинится, однако назначение в Месопотамию для него гораздо предпочтительнее. В ответ начальник военной разведки телеграфировал, что Колчак более не может быть полезен на Среднем Востоке. 13 марта Ридаут доложил: «Колчак вернется на север при первой же возможности». После этого адмирал и двое его спутников застряли в отеле «Рэффлз» почти на две недели в ожидании оказии для возвращения в Китай.

К тому времени путешественники оказались в трудном финансовом положении. В Америке Колчак и его офицеры были гостями правительства Соединенных Штатов и получали жалованье и денежные пособия от правительства Российской империи, которое до сих пор работало и имело средства. В Токио большую часть сэкономленных в Америке денег Колчак оставил в банке для последующего перевода жене в Южную Россию. Прошло уже более четырех месяцев с того момента, как он предложил свои услуги британскому правительству, но до сих пор никому не пришло в голову, что адмирал нуждается и определенно заслуживает некоторой финансовой поддержки в долгих путешествиях, совершаемых по инициативе начальника военной разведки. Сам же Колчак был слишком горд, чтобы лично поднимать этот вопрос. Его целеустремленность, безусловно, подтверждается тем фактом, что даже в обескураживающе неблагоприятной ситуации, сложившейся в Сингапуре, он не бросил дело, которое уже тогда казалось необычайно бесцельной и дорогостоящей охотой за химерами.

Он отправился на корабле в Шанхай в конце марта и приблизительно через месяц добрался до российского посольства в Пекине. «Я прислан в ваше распоряжение, – сказал он князю Кудашеву. – Какую миссию вы предполагали возложить на меня?»

Глава 3

Шахматное решение

В мае 1918 года декоративные озера Версаля накрыли огромными полотнищами, выкрашенными в цвет травы, – эти ухищрения уменьшали опасность того, что немецкие бомбардировщики в любой момент могут прервать совещание членов Верховного военного совета Антанты и их многочисленных советников. Грохот тяжелой вражеской артиллерии на Марне здесь был хорошо слышен. Время от времени на Париж сыпались огромные снаряды. Начиная претворяться в жизнь план эвакуации административных органов французского правительства из столицы в Бордо. Практически с каждым часом возрождение Восточного фронта становилось все более насущной необходимостью.

Проблема удара по Германии через Россию, сведенная к более простым, чем в первой половине 1918 года, условиям, представляла, или казалось, что представляла, три решения:

1. Воссоздание Восточного фронта силами советского правительства при поддержке Антанты.
2. Отправка японских экспедиционных сил через Сибирь для наступления на немцев в Восточной Европе.
3. Провоцирование превентивной либо отвлекающей деятельности «лояльных» русского, украинского, кавказского или казацкого движений сопротивления, чтобы воспрепятствовать немцам (и заодно туркам) воспользоваться колоссальными экономическими выгодами Брестского мира.

Любой из этих трех проектов был несовместим с двумя другими. Ни один из них не представлял согласованную политику стран Антанты. Однако все три начали осуществляться одновременно. Поэтому неудивительно, что в результате получилась невообразимая путаница. Пожалуй, пришла пора представить в истинном свете ту хаотическую картину, что сложилась к середине лета, когда стали очевидными последствия челябинского инцидента.

1. Перспективы возобновления военных действий русскими

Страны Антанты осуществляли контакты с советским правительством через трех неофициальных агентов. Роберт Брюс Локкарт, жизнерадостный тридцатилетний шотландец, хорошо знавший Россию и говоривший по-русски, представлял британское правительство и, хотя не занимал высокого положения по линии министерства иностранных дел, был доверенным лицом Ллойд Джорджа и лорда Милнера. Полковник Рэймонд Робинс из американского Красного Креста не имел статуса близкого к дипломатическому, как Локкарт, зато находился в тесном контакте с большевистскими лидерами. Благородный, но весьма самонадеянный идеалист, он умел, несмотря на незнание языка, улавливать суть событий и снабжал Вашингтон иногда более реалистичной и всегда более сочувственной информацией, чем та, что предоставлялась американским посольством. Капитан Жак Садуль, юрист по профессии, социалист по убеждениям, прикрепленный к французской военной миссии, был близко знаком с Троцким. Не столь влиятельный и гораздо менее объективный, чем Локкарт и Робинс, он оказался скорее сторонником, чем толкователем советской политики, и в конце концов вступил в коммунистическую партию.

Все трое работали в тесном сотрудничестве друг с другом. Все трое горячо поверили (они были людьми весьма темпераментными), что Россия может возобновить военные действия против Германии и одобрить или, в худшем случае, разрешить участие Антанты в военных операциях на русской территории. Советские лидеры, в особенности Троцкий, некоторое время поддерживали их веру. В конце марта дело даже дошло до того, что начали активно обсуждать привлечение кадровых французских, американских и итальянских офицеров к организации и обучению Красной армии, которая в те дни была лишь чуточку лучше вооруженной добровольческой милиции, недисциплинированной и плохо укомплектованной.

Однако подобное представление о Восточном фронте оказалось не более чем миражом. Мираж исчез, как только русские – вскоре после ратификации 15 марта 1918 года Брестского мира – осознали, что немцы не намереваются разрушать Советское государство. За исключением моментов паники и отчаяния, они должны были – а странам Антанты следовало – понять, что с самого начала весь план выглядел самоубийственным; сопротивление немцам могло вылиться лишь в уничтожение Красной армии (если бы вообще удалось заставить ее сражаться, что сомнительно) задолго до того, как такие недостаточные силы, какие Антанта могла выделить на интервенцию, прибыли бы на место действия.

Однако по различным причинам русских устраивало манить союзников этим мерцающим миражом. Самый очевидный из их мотивов – расчет на то, что, пока западные союзники будут надеяться на содействие Советов в войне против Германии, они не прибегнут к помощи Японии. К середине мая надежда умерла, и туманные проекты, которые Локкарт и его коллеги вынашивали, оставались очень далекими от воплощения в жизнь, а в общем-то никогда и не были к этому близки.

2. Японский паровой каток

В сравнении с другими главными воюющими сторонами Япония вела необременительную и, безусловно, прибыльную войну. Без серьезных сражений она захватила германский плацдарм в Шаньдуне на побережье Китая и маленькие немецкие острова в северной части Тихого океана. Японский военный флот нес рутинную службу в Индийском океане и на Средиземном море. Японская промышленность, которой война дала стимул к развитию, производила достаточное количество боеприпасов, вооружения и военных материалов, в большинстве своем отправлявшихся в Россию.

Географическое положение было главным, но не единственным фактором, благодаря которому Японии вынужденно досталась роль «окопавшегося в тылу». Ее военные и политические руководители весьма обоснованно испытывали лишь вежливый интерес к войне в Европе. В долгосрочной перспективе они стремились воспользоваться статусом Японии как воюющей стороны и изнуряющим воздействием войны на врагов и союзников для упрочения своего экономического и политического положения в Китае. Цель Японии была предопределена в «Двадцать одном требовании», предъявленном Китаю (еще в 1915 году. – *Примеч. пер.*). Этот анонс захватнической политики глубоко шокировал общественное мнение в Соединенных Штатах Америки.

Итак, существовало две основные политические преграды для японской интервенции в Германию через Россию. Одна (которую союзники Японии плохо сознавали) состояла в том, что у Японии были другие цели и такая авантюра противоречила ее главным интересам. О другой же Британия и Франция прекрасно знали: Америка столь сильно противостояла японской интервенции даже в самой ограниченной форме, что у этой идеи не было ни единого шанса найти свое место в согласованной стратегии западных союзников. Попытки Франции и еще более настойчивые усилия Британии преодолеть, разрушить или обойти эти преграды вовлекли правительства в длительную и бесплодную подковерную борьбу.

Несмотря на все усилия, так и не удалось поразить главную цель, а именно убеждения президента Вильсона. И только в конце июня, когда все последствия челябинского инцидента стали известны внешнему миру, Вильсон начал менять свое мнение и потихоньку признавать, что отправка в Сибирь экспедиционных войск Антанты (в которой Японии пришлось бы по необходимости играть ведущую роль) заслуживает серьезного и безотлагательного рассмотрения. К тому времени германское наступление на Западном фронте выдыхалось; противники менялись ролями. Пока разрабатывались планы вторжения в Сибирь, первоначальная цель устарела, а вскоре и вовсе почти забылась.

Может быть, и к лучшему. Политические преграды японской (или, главным образом, японской) экспедиции через Сибирь на борьбу с немцами с самого начала признавались труднопреодолимыми, но по меньшей мере западные союзники уделяли им внимание. Того же нельзя сказать о военных проблемах – в принципе неразрешимых. Ближайшие германские войска находились примерно в 11 300 километрах от Владивостока. Армия, перебрасываемая туда из Японии, всецело зависела бы от Транссибирской магистрали. Состояние этой железной дороги, давно уже плачевное, постоянно ухудшалось. Даже при условии хорошего отношения к японцам со стороны железнодорожных служащих и русского населения Сибири в целом (а имелись все причины предполагать обратное), через один-единственный порт совершенно невозможно было осуществить переправу в Европейскую Россию, не говоря уж о том, чтобы содержать там нечто большее, чем чисто символический военный контингент.

Японцам это было совершенно очевидно; на всех этапах они ясно давали понять, что если и отправятся в Сибирь, то ни шагу не ступят западнее озера Байкал¹¹. Это прекрасно понимали и американцы, чье здравомыслие не затуманивалось отчаянием. Остается загадкой, как французское и британское правительства и их военные советники сохраняли веру в столь откровенно нереальный проект.

Подобные загадки случались на протяжении всей истории интервенции. Часто встречаются свидетельства высокопоставленных офицеров Антанты, в которых серьезно доказывается невозможность и гибельность попыток осуществления различных рискованных операций, но, по общему признанию, ни одна из них не была столь авантюрной, сколь упомянутая выше. Например, в начале января 1918 года французское правительство – в связи с неподтвержденным известием об убийстве большевиками своего консула в Иркутске – предложило немедленно организовать карательную экспедицию из Тяньцзиня, где со времен «боксерского» восстания размещались части, предоставлявшие охранников для дипломатических миссий в Пекине. Это соединение, состоявшее из французского, британского, американского, японского и китайского контингентов под командованием французского морского офицера, по замыслу французского правительства, должно было проследовать в Иркутск (расстояние приблизительно 3200 километров), отомстить за убийство консула, а заодно и предотвратить вывоз военного имущества из Владивостока по Транссибирской магистрали.

Сие нелепое предложение, вполне вероятно, родилось в голове министра иностранных дел Франции Пишона, который в 1901 году возглавлял французское представительство во время осады дипломатического квартала участниками «боксерского» восстания, и, видимо, с тех пор он питал слабость к международным спасательным экспедициям. Вот лишь один из множества примеров, когда трудно понять, как попадали в повестку дня Антанты очевидно беспочвенные военные планы (этот был похоронен пришедшей в Лондон информацией о том, что французский консул жив).

Возможно, ответ заключается в том, что, хотя мировая война шла уже четвертый год, большинство сухопутных операций перешло в позиционную стадию; уроки, полученные на Западном фронте, повлияли на мышление профессиональных военных если и не окончательно заостреннее, то и не вполне приспособленное для разработки динамичных военных операций на бескрайних просторах России. Нельзя отрицать тот факт, что самые нереалистичные планы разрабатывали за пределами России люди, почти незнакомые с ее условиями, однако это не оправдывает легкомысленного пренебрежения элементарной логикой, что было главной отличительной чертой их планов. К сопоставимому этапу Второй мировой войны штабные офицеры накопили более прогрессивный опыт, и подобное дилетанство было бы немислимым.¹²

¹¹ В июне японский Генеральный штаб рассчитал, что понадобилось бы целых три года, чтобы переправить адекватный военный контингент хотя бы в Челябинск, от которого до самых глубоко продвинувшихся в Россию немецких передовых отрядов в 1918 г. оставалось около 1600 километров.

¹² Летом 1919 г. маленький британский отряд, базировавшийся в Архангельске, начал наступление вверх по Северной Двине с целью захватить город Котлас, расположенный приблизительно в 500 километрах от Архангельска. Уровень воды в реке был необычайно низким, и операцию, не грозившую никакими осложнениями, пришлось отменить, поскольку военная флотилия, на которую возлагались перевозки и артиллерийская поддержка, не смогла продвигаться вслед за войсками. Застряла флотилия в 240 километрах от Котласа.

3. Бои второстепенного значения

Ни один из мертворожденных планов, представленных выше, не казался сомнительным на стадии замысла. Оба составляли часть антигерманской стратегии. Первый невозможно было осуществить без активного сотрудничества советского правительства, а ко второму неразумно было приступать без хотя бы молчаливого его согласия. Только один план интервенции, начавший обретать явственные очертания в первой половине 1918 года, имел подобную поддержку. Речь идет о создании британцами – по приглашению местных советских властей и исключительно для оборонительных целей – небольшого плацдарма, скорее даже опорной точки, в Мурманске.

Прошло не так уж много месяцев, как первоначальный характер этого замысла полностью изменился. Маленький плацдарм превратился в большой – горстку британских матросов и морских пехотинцев сменил значительный отряд экспедиционных сил Антанты, а цель всей операции превратилась из антигерманской и оборонительной в антибольшевистскую и наступательную. Однако здесь мы уже затрагиваем источники интервенции, начавшейся именно в Северной России.

Архангельск был единственным значительным российским портом на побережье Арктики, и, когда германский военный флот в начале войны блокировал Балтийское море, важность его возросла неизмеримо. Однако подходы к Архангельску шесть месяцев в году, а иногда и дольше скованы льдом. Поэтому были предприняты шаги к развитию вспомогательного порта в Мурманске неподалеку от финской и норвежской границ. Хотя Мурманск расположен гораздо севернее Архангельска, он стоит на берегу Кольского залива, который благодаря Гольфстриму не замерзает всю зиму. Довольно примитивный, но вполне пригодный к эксплуатации порт был открыт в начале 1917 года.

Военно-морские силы Великобритании приняли на себя большую часть обязанностей по конвоированию кораблей, тралению мин и так далее на морских дорогах к Архангельску, и зимой 1917 года в Мурманске встала небольшая эскадра под командованием адмирала Кемпа, поднявшего свой флаг на старом линкоре «Глори». С Петроградом и Архангельском Мурманск связывали ненадежные, наскоро построенные из привезенных из Англии рельсов железные дороги, так что, по сути, он был труднодостижим. Но когда сорвались мирные переговоры в Брест-Литовске и немцы в середине февраля 1918 года возобновили наступление, возникли необоснованные, но вполне понятные страхи, что целью их является Мурманск, которому (на бумаге) могли угрожать руководимые или вдохновляемые немцами финские войска. Поскольку Финляндия объявила о своей независимости от России, разразилась Гражданская война, и Германия поддержала белофиннов под командованием Маннергейма против их пробольшевистских соотечественников.

Нет необходимости описывать все события, произошедшие или повлиявшие на сложившуюся в Мурманске ситуацию. Самое главное заключается в том, что 6 марта, по просьбе мурманских Советов, адмирал Кемп высадил на берег маленький десантный отряд; на следующий день для усиления эскадры прибыл британский крейсер, и предполагаемая германская угроза Мурманску запустила процесс, в результате которого был захвачен Архангельск (где, как и во Владивостоке, находились склады ценных военных материалов), и в конце концов на Севере России сложился антибольшевистский фронт, не похожий на все остальные. Здесь сражались не белогвардейские войска, пользовавшиеся финансовой, технической и моральной поддержкой Антанты, а войска Британии, США, Франции и других

стран западных союзников под британским командованием, причем белые русские выступали как все более ненадежные помощники.¹³

Архангельско-Мурманскому анклаву предстояло оказать мощное, хотя и косвенное влияние на стратегию (или на то, что называли стратегией) в Сибири. То же самое суждено было и его эквиваленту в Южной России, где надежды Антанты на лояльный бастион постепенно оправдывались. Начав с весьма скромных успехов, так называемая Добровольческая армия в шатком союзе со свободолюбивыми кубанскими казаками в жестоких сражениях добилась убедительного превосходства над безграмотно руководимой Красной армией. Хотя в упоминаемый нами период – в середине лета 1918 года – исход этой запутанной борьбы все еще оставался неясным, был заложен фундамент антибольшевистского плацдарма, большего – и гораздо более стихийного, – чем тот, что одновременно создавался на Севере.

Добровольческую армию под командованием Деникина – ее первый лидер Алексеев умер в октябре 1918 года – не занимало, разве что между прочим и на ранних этапах, сопротивление немцам. Ее целью было свержение советской власти и создание «великой единой неделимой России». Пока турки не признали поражение в октябре, открыв этим Черное море своим победителям, желание Антанты помогать Белому движению выражалось лишь в финансовой и моральной поддержке, поэтому интервенция в Южной России, всерьез начавшаяся в последние недели войны, не могла – без значительной натяжки – называться вкладом в поражение Германии.

Вторжение в Южную Россию (и более поздние события в Прибалтике) было «открытой» интервенцией, хотя не столько политическим, сколько ответным действием. По заявлению Чемберлена, интервенция носила «как оборонительный, так и наступательный характер. Если она не могла привести к крушению большевизма в России, то по меньшей мере настолько полно занимала большевиков на различных фронтах Гражданской войны, что распространение воинственной большевистской доктрины за границы России становилось менее вероятным».¹⁴

Далее к востоку в сентябре 1918 года турки выбили из Баку отряд генерала Денстервила. Но Каспийское море контролировала флотилия импровизированных канонерок с русскими экипажами под командованием британских офицеров. В закаспийских пустынях маленький индо-британский отряд генерала Маллесона до весны 1919 года оставался главной опорой дряхлого антибольшевистского режима с центром в Ашхабаде. Однако эти авантюры замыслились «не как антибольшевистские, а ради предотвращения распространения немецкого оружия и немецкого влияния в России, в Закаспийском же регионе – через Россию в Британскую Азию». Даже самые склонные к утопиям стратеги никогда не считали, что хотя бы одна из этих опасных затей имеет отношение к сибирской интервенции.

С другой стороны, Северный и Южный фронты – то есть Архангельско-Мурманский плацдарм и гораздо большая территория, контролируемая Деникиным, – сильно повлияли не на то, что случилось в Сибири, а на то, что, как надеялись лидеры, особенно находившиеся в Лондоне, могло там случиться. Одного взгляда на карту № 1 достаточно, чтобы увидеть, насколько соблазнительна (и до некоторой степени правдоподобна) картина наступления на Москву с трех сторон. Тем, кто не сталкивался с реалиями местного хаоса, могла даже померещиться возможность воткнуть четвертый кинжал в спину Петрограду из балтийских провинций.

¹³ В 1920 г. белогвардейские войска, которым в разное время командующие войсками Антанты официально присваивали много высокопарных эпитетов, появились в отчетах Военного министерства о состоящих на довольствии войсках как «местные».

¹⁴ Здесь главной целью британской политики было содействие делу эстонской, латвийской и литовской независимости. Однако эта цель, альтруистская сама по себе, не могла быть достигнута без нанесения урона советским интересам, и Москва, естественно, рассматривала британскую деятельность в этом регионе как в первую очередь антибольшевистскую.

Таким образом, пришло шахматное решение русской проблемы, и много было разговоров о трех зубцах, направленных на Москву и кольцом сомкнувшихся вокруг нее. На карте все выглядело так логично. Административные трудности осуществления связи между тремя главными армиями вторжения – огромные расстояния, ветхость и уязвимость однокорейных железных дорог, непроходимость всех дорог во время весенней оттепели – не просто недооценивали, на них вообще не обращали внимания. Убежденность в том, что именно белые начнут переброску войск – либо окажут помощь в полудюжине других операций, – зародившаяся к началу 1919 года, повлияла на мнение многих влиятельных политиков – особенно Уинстона Черчилля – и господствовала до тех пор, пока даже на карте все это потеряло всякий смысл.

Глава 4

Морской разбойник

Насколько мы знаем, не сохранилось никаких свидетельств того, как британский Генеральный штаб намеревался использовать Колчака в Месопотамии. Также неясно, с какой целью его отозвали из Сингапура в Маньчжурию, однако, не боясь ошибиться, можно предположить, что к внезапному изменению плана косвенно подтолкнул двадцативосьмилетний есаул Григорий Семенов.

Этот странный и ужасный человек, сын русского и бурятки, безупречно служил в Польше, Белоруссии и в Карпатах. Генерал Врангель, прекрасно разбиравшийся в кавалеристах, назвал его «образцовым офицером, особенно любившим проявить свою храбрость перед старшим по званию». Семенов имел много военных орденов и медалей. Миссия в Персию, не сулившая особых наград, подарила ему досуг для составления плана по рекрутированию новобранцев из бурят. В кризисное лето 1917 года его направили в Петроград для представления этого проекта, и он получил приказ к действию. Удивительный факт, поскольку, даже если бы удалось набрать из бурят целый армейский корпус, это не решило бы ни одной проблемы Временного правительства.

Когда в ноябре 1917 года большевики захватили власть в Сибири, Семенов находился в Забайкалье, так и не продвинувшись в осуществлении своего плана. Он избежал ареста, использовал все возможности, чтобы создать как можно больше неприятностей новому слабому режиму, и в конце концов в последние дни 1917 года перешел китайскую границу. Среди немногочисленных его соратников был барон Унгерн фон Штернберг, хорунжий нерчинских казаков. Угрюмый, рыжеволосый, бледнолицый головорез впоследствии прославится своей садистской жестокостью, которую сумели превзойти лишь немногие из его конкурентов по обе стороны фронтов Гражданской войны. Впоследствии Семенов признавал, что в своей военно-административной деятельности барон часто пользовался методами, обычно осуждаемыми критикой. Однако объяснял это ненормальными условиями, в которых им постоянно приходилось действовать. Редко столь страшные деяния оправдывались более мягкими словами.

В Манчули, местечке в Маньчжурии, затерявшемся прямо рядом с границей, Транссибирская магистраль соединялась с контролируемой русскими Китайско-Восточной железной дорогой, которая являлась кратчайшим путем до Владивостока. Здесь с помощью наглости и обмана Семенов впервые запугал, а затем обезоружил пробольшевицки настроенный гарнизон, согнал всех обезоруженных в поезд и отправил на территорию России. Вслед за ними в вагоне для перевозки скота последовали предварительно избитые члены местных Советов. Этими решительными и внезапными действиями Семенов обеспечил себя базой, важность коей ничуть не умалялась тем, что находилась она на иностранной территории вне юрисдикции России. Он тут же приступил к комплектованию маленького, пестрого по составу войска и в январе 1918 года во главе отряда из приблизительно 600 человек (400 из которых были монголами и китайцами) начал наступление в Забайкалье.

Части Красной армии, расквартированные в редких заброшенных поселениях вдоль восточной оконечности Транссибирской магистрали, мало что представляли в военном отношении и не испытывали особого желания сражаться. Семеновские прохвосты (как вскоре их стали называть в британском МИДе) продвигались быстро и уже почти добрались до важного железнодорожного узла Карымское, как были наголову разбиты отрядом (в нем были и весьма пригодившиеся военнопленные венгры) под предводительством Лазо, талантливого

партизанского лидера, жизнь которого оборвалась два года спустя, когда японцы захватили его и передали белым, а те заживо сожгли его в паровозной топке.

Сам Семенов выпутался без серьезных потерь и снова затаился в Манчули. Эта незначительная вылазка, занявшая десять дней, возбудила нездоровый интерес в Британии и Франции. Неужели красавчик рубака превратит русскую зиму разочарований в триумфальное лето? Поскольку все на это искренне надеялись, никому и в голову не приходило недооценивать потенциальные возможности Семенова.

Семенов произвел «чрезвычайно благоприятное впечатление» на капитана Р.Б. Денни, помощника британского военного атташе в Пекине, спешно откомандированного в Манчули. Семеновская армия теперь насчитывала 750 человек: 180 русских офицеров и кадетов, 270 казаков и 300 монголов; вскоре к ним присоединилось 300 военнопленных сербов. Денни чувствовал, что Семенов заслуживает серьезного отношения. Британское правительство независимо пришло к такому же выводу задолго до того, как рапорт Денни достиг Лондона. В первые дни февраля Семенов получил 10 тысяч фунтов стерлингов и обещание получать такую же сумму ежемесячно без всяких условий вплоть до особого уведомления. Выплаты осуществлялись через британское консульство в Харбине.

Французы, проинформированные о выплате, также начали субсидировать Семенова, а японцы – кроме денег – предоставили оружие, боеприпасы и «добровольцев». «Добровольцы», прибывшие в Манчули в гражданской одежде, не только пополнили расчеты полевых пушек Семенова, но и составили цвет его пехоты. (Большинство «добровольцев» – если не все – были резервистами, и вовсе не самыми лучшими. Из первых 400, присоединившихся к Семенову, 100 человек пришлось отправить домой за участие в пьяных драках и за другие нарушения дисциплины.) Япония, единственная из трех благодетелей Семенова, в некоторой степени контролировала его действия: к его штабу на постоянной основе был прикомандирован энергичный офицер капитан Куроки, и влияние Японии было столь велико, что, по сути, Семенов был ее марионеткой.

В первые недели 1918 года атаман олицетворял желанное чудо – этим можно объяснить ту поразительную поспешность, с коей три иностранных правительства поспешили поддержать его. Однако была одна сила, от которой Семенов имел полное право ожидать поддержки, какой бы хрупкой ни была возлагаемая на него надежда, и от которой он – за исключением скупой финансовой помощи – ничего не получил. В Харбине, менее чем в 650 километрах от Манчули, находилось очень много русских. Большая русская община, руководимая почтенным генералом Д.Л. Хорватом, пополнилась людьми, успевшими выбраться из России. Многие из них были офицерами. Мало кто искал в побеге спасения или же дальних путешествий. Большинство бросились во временную (как почти все они искренне верили) ссылку, рассчитывая на шанс нанести ответный удар по ненавистному режиму, и в своем поведении подчинялись именно этому расчету.

В переполненных холлах и залах отеля «Модерн» звенели шпоры, произносились патриотические тосты, на глаза наворачивались слезы. Знатоки анализировали слухи, мошенники плели интриги, спекулянты наживали состояния, офицеры чистили эфесы и салютовали при встрече, дамам целовали ручки. Однако, за исключением немногих подозрительных и достойных жалости авантюристов, никто не покинул сцену, на которой разыгрывался сей военно-патриотический спектакль и не сел в поезд, направляющийся в Манчули.

В Лондоне вряд ли могли предвидеть неспособность Семенова привлечь соотечественников к своему делу, а потому довольно долго не замечали происходящего. Все русские, которых или о которых кто-либо знал, постоянно говорили о необходимости бороться с большевиками, и, поскольку Семенов был единственным русским – во всяком случае, единственным на Дальнем Востоке, – кто действительно это делал, подразумевалось, что он представляет некое «национальное движение». Какое заблуждение! Семенов не представлял никого

кроме самого себя. Но это было вполне естественное заблуждение, и британцы продолжали, правда, все более и более неохотно, его поддерживать. За пару дней до того, как начальник военной разведки послал телеграмму с предписанием перехватить Колчака в Сингапуре, британского министра в Пекине уполномочили предоставить Семенову две 5-дюймовые гаубицы со склада охраны дипломатических представительств в Тяньцзине. Эти древние орудия, «тайно» отправленные по железной дороге, несколько дней продержали в Мукдене, пока японское железнодорожное начальство не получило приличную взятку.

Поначалу британцы считали Семенова (выражаясь языком конских скачек) самодовольным аутсайдером. Но в начале февраля министр иностранных дел Бальфур предложил американскому правительству через полковника Хауса, личного советника президента Вильсона, «поставить на Семенова», поскольку «невероятно важно поддерживать любое истинно русское движение в Сибири». Вряд ли слова «истинно русское движение» можно было отнести к собравшейся в Манчули ватаге бывших китайских бандитов, монгольских угонщиков скота, японских наемников, сербских военнопленных и казаков-авантюристов. Вашингтон отверг британскую идею из принципиальных соображений, хотя, как и Бальфур, об истинном положении дел и не подозревал. Америка все еще категорически выступала против вторжения в Сибирь, главным образом потому, что подобная политика, какую бы форму она ни приняла, обеспечила бы Японии доступ на континент.

Если Семенов не казался ценным приобретением Вашингтону, то в Москве, где Локкарт из всех сил старался создать условия для привлечения Советской России к войне против Германии, разумеется, при поддержке союзников, атаман определенно представлял помеху. Главной целью британской политики того периода было вовлечение России в войну, чему никоим образом не способствовала финансовая и материальная помощь Британии явно контрреволюционному движению. Как отмечал Кеннан, «поддержка Семенова Францией и Британией была одной из основных причин, по которым Советы не доверяли странам Антанты».

Слишком поздно осознав, что его правая рука не ведает о деяниях левой, британское правительство попыталось обуздать Семенова, но безуспешно. Британцы не хотели прекращать субсидирование атамана, так как боялись уступить Франции и Японии влияние, которое, как они наивно полагали, обеспечивалось их ежемесячными денежными вливаниями. И все же в апреле капитан Денни получил приказ категорически предостеречь Семенова против вторжения на территорию России и запретить поддержку любого наступления, если таковое начнется. Денни должным образом передал предостережение, единственным результатом коего, как легко можно было предвидеть, стало то, что всем в Манчули стало еще труднее воспринимать Британию всерьез.

Нелепая ситуация, в которой Япония и Франция платили Семенову за то, чтобы он сражался с большевиками, а Британия платила ему за то, чтобы он с ними не воевал, в значительной степени отрегулировалась в мае, когда развеялись надежды Британии достичь рабочего соглашения с советским правительством, но к тому времени развеялся и образ Семенова как национального освободителя. Все очевиднее становилось, что красавчик рубака – попросту бандит и в этом роде – монстр. Не только рядовые его маленького отряда, но и ближайшие сподвижники привычно совершали неопишуемые зверства. На всех территориях, которые он контролировал, царило чудовищное взяточничество. О справедливости и милосердии и речи не было. Семенов не только компрометировал своих спонсоров, но и служил орудием проведения самой неприглядной политики Японии в Сибири. К середине 1918 года он перестал быть обузой для британских налогоплательщиков.

Со своей «огромной головой, величина которой подчеркивалась плоским монгольским лицом со светлыми сверкающими глазами, принадлежащими скорее животному, чем человеку», с наполеоновским зачесом и смутными захватническими стремлениями, Семенов

был неординарной фигурой, неким Хитклифом степей¹⁵. Его деяния были отвратительными, мотивы – первобытными, поведение – вызывающе циничным, однако каким-то непостижимым образом ему всегда удавалось производить хорошее впечатление. В апреле 1918 года, еще до того, как его порочность раскрылась во всей глубине, опытный британский офицер охарактеризовал его как «исключительно бескорыстного патриота». Почти два года спустя британский верховный комиссар в Сибири Майлз Лэмпсон, признавая справедливость жесточайшей критики режима Семенова, верил, что сам атаман «абсолютно честен».

Центральной фигурой распутного окружения Семенова, которым он, по одному из свидетельств, правил в «атмосфере лени, бахвальства, пьянства, прибыльных реквизиций, грязных денег и убийств невиновных», была его любовница, Маша Шарабан, еврейская вдова русского купца. Молодой британский офицер, видевший Машу у постели Семенова (атаман был ранен при взрыве бомбы в театре Читы), назвал ее «очень хорошенькой женщиной с огромными черными глазами». Семенов был искренне предан ей. В свои посещения Харбина, неизменно отмеченные буйством и скандалами, Маша щеголяла богатыми нарядами и сверкала бриллиантами, а количество денег, которые атаман на нее тратил, вызывало завистливую критику даже со стороны его собственных офицеров.

Жена Семенова в то время жила в Японии. Один американский офицер, видевший ее там, отозвался о ней как о «поразительно красивой, обворожительной блондинке и смелой искательнице приключений». Поговаривали, что она обладала «несметным состоянием». В сентябре 1919 года она должна была присоединиться к мужу, отправившемуся с большой свитой в Мукден, где он надеялся улучшить напряженные отношения с местным военачальником Чжан Цзолинем. Британский консул так обрисовал конец визита Семенова: «Весьма романтический эпизод приключился, когда атаман покидал отель, направляясь на железнодорожный вокзал. Женщина, по слухам, известная цыганка, с которой атаман некоторое время состоял в интимной связи и покинутая им по приезде на Дальний Восток его жены, неожиданно подбежала к нему, выкрикивая упреки, проглотила яд и тут же упала. Ее увезли в японский госпиталь, и, кажется, она выжила».

Маша не только выжила, но вскоре восстановила свой прежний статус. Короткое упоминание о ней мы встречаем в январе 1920 года в отчете британского офицера связи в Чите: «Я ужинал с Семеновым и его свитой. Любовница, как обычно, выпила слишком много. Она вела себя столь неблагоприятно, что спела еврейскую песню на идиш, обнаружив, насколько я могу судить, свободное владение этим языком». Замечание о «неблагоприятности» – напоминание о сильных антисемитских настроениях, господствовавших в реакционных белых кругах. Отсутствие крупных еврейских погромов в длинном списке преступлений Семенова, несомненно, объясняется влиянием Маши.

Когда в середине апреля 1918 года Колчак явился к русскому послу в Пекине, они немедленно приступили к обсуждению деятельности Семенова. Князь Кудашев объяснил, что этот маленький отряд, получающий оружие и деньги от японцев, «пока особого успеха не имеет», однако есть надежда на приток добровольцев и «возможно, несколько позже отряд превратится в крупное вооруженное соединение». Обязанности, возлагаемые на Колчака, не были напрямую связаны с военными операциями Семенова. Адмиралу предстояло стать «военным представителем» (то есть представителем российского Генерального штаба) в воссозданном правлении Китайско-Восточной железной дороги. Однако «конечно, вам придется войти с Семеновым в компромисс, – подчеркнул Кудашев. – Мне бы хотелось, чтобы вы взяли заведование суммами, которые распределяются хаотически, – нужно, чтобы эти деньги шли через определенные руки, через вас».

¹⁵ Хитклиф, в романе Э. Бронте «Грозовой перевал», – найденный, воспитанный в дворянской семье. Разбогатев, мстит детям своего воспитателя, которые в прошлом унижали его. (Примеч. пер.)

Через день или два из Харбина прибыл генерал Хорват, учтивый и довольно хитрый человек, с длинной седой раздвоенной бородой, главный управляющий Китайско-Восточной железной дороги с 1903 года. С ним приехали промышленник Путилов и несколько важных представителей Русско-Азиатского банка, владевшего большинством акций железной дороги. Отчет о последовавшей встрече есть в «Показаниях» Колчака. По его свидетельству, речь шла лишь о реорганизации Китайско-Восточной железной дороги и восстановлении порядка в ее районе. По информации из других источников, обсуждаемые вопросы этим не исчерпывались.

Колчак в те дни получил зашифрованную телеграмму от русского посла в Вашингтоне с грифом «Лично и абсолютно конфиденциально». Бахметев телеграфировал, что вскоре состоится предварительное совещание ряда оказавшихся за границей российских политических деятелей. На совещании будут обсуждаться возможности организации Политического центра, который мог бы принять неотложные меры, необходимые для национального возрождения России. Посол считал присутствие Колчака совершенно необходимым и настоятельно просил его прибыть в Америку – хотя бы ненадолго и при этом в полной тайне.

Ответ, отправленный из Пекина 18 апреля, доказывает, что Колчак всерьез воспринял проект, якобы связанный с экономикой железной дороги в Маньчжурии, и был готов им заняться. Он писал, что по приглашению Путилова и в соответствии с пожеланиями британского правительства, вошел в правление Китайско-Восточной железной дороги, деятельность которого косвенно, но вполне реально направлена на достижение общей цели – организации Политического центра возрождения России. Далее адмирал сожалел о том, что не может прибыть в Америку.

Есть указание на то, что пекинская телеграмма подразумевала дела более важные, чем интересы акционеров. Насколько известно, ни один из представителей Антанты не присутствовал на совещаниях Кудашева, Хорвата и Колчака, но 30 апреля они явились к британскому послу сэру Джону Джордану с амбициозным планом освобождения части Сибири – от Иркутска на западе до Владивостока – русским войсковым 17-тысячным соединением, базирующимся на Китайско-Восточной железной дороге (даты определены не были). Сэр Джон доложил о плане в Лондон. Отсутствие дальнейших упоминаний вовсе не означает, что план казался нереальным его инициаторам.

После этой встречи, на следующий же день, Колчак покинул Харбин вместе с Хорватом в личном вагоне последнего. Официальное сообщение о его назначении главнокомандующим русскими войсками в зоне железной дороги появилось в газетах еще 26 апреля. Колчак по природе своей был замкнутым и любил одиночество. Несколько месяцев спустя не одаренному богатым воображением британскому офицеру, впервые его увидевшему, он показался «маленьким, одиноким, беспокойным скитальцем, не имевшим ни одного друга». Адмирал легко раздражался, однако, когда не гневался, производил впечатление человека гордого, холодного, преданного своему делу, загадочного и несколько равнодушного. Даже в конце жизни, когда смерть день за днем смотрела на него из-за спин следователей, его броня из холодности и равнодушия не дала ни единой самой маленькой трещинки.

Пока поезд мчался на север через кукурузные и маковые поля, раскинувшиеся за Великой Китайской стеной, Колчак писал письмо женщине – набросанный карандашом черновик нашли в его личных бумагах. В черновике нет имени женщины, но практически нет сомнений в том, кому оно адресовалось. Колчак пишет, что вагон, в котором он едет, напоминает ему тот, в котором он год назад в последний раз ехал как командующий Черноморским флотом – из Севастополя в Петроград. Тогда ему невыносимо горько и больно было сознавать, что война проиграна. Он ясно вспоминает теперь свое близкое к отчаянию состояние и даже название книги, которую пытался читать, но не мог понять прочитанного, – *«Наука управления государством»*.

Здесь Колчак непреднамеренно раскрывает свои чувства. Мы даже не знаем, было ли это письмо закончено и отправлено, не говоря уж о том, получено ли. Однако очевидно, что женщина, которой письмо адресовалось, была важна Колчаку по меньшей мере год, и можно с большой уверенностью предположить, что именно о ней примерно через двадцать месяцев в иркутской тюрьме председатель Чрезвычайной следственной комиссии спросит пленника: «Здесь добровольно пошла под арест госпожа Тимирева. Какое она имеет отношение к вам?»

На что Колчак ответил: «Она – моя давнишняя хорошая знакомая... Когда я ехал сюда, она захотела разделить участь со мною».

Глава 5

Скрытые силы

В апреле 1917 года германское правительство предоставило Ленину, находившемуся тогда в ссылке в Швейцарии, возможность проезда через свою территорию. С тридцатью одним соратником Ленин вернулся в Россию. Через Германию до Швеции они ехали в специальном поезде, но не «опечатанном», как гласит легенда, правда, путешественникам пришлось терпеть ограничения, одним из которых, к великому неудобству русских, был запрет на курение. Уилер-Беннетт отмечает: «Предположение о том, что, путешествуя через Германию в Россию, Ленин действовал как немецкий агент, смехотворно». И хотя на самом деле Ленин не был орудием в руках немцев – скорее наоборот, – в странах Антанты этот вывод считали совершенно очевидным.

Путешествие Ленина было фактом. Документы, подтверждающие сей факт и отражающие его неправильные толкования, а также некоторые фальсификации, появились в Петрограде и в начале 1918 года были куплены мелким американским чиновником. Это было единственным свидетельством того, что Германия организовала большевистскую революцию, однако заблуждение твердо обосновалось в голове союзников. По выражению Кеннана, «немцы, в их глазах, были единственным источником всех зол; все плохое немедленно приписывалось Германии».

Широко распространилось мнение – по сути своей невероятное – о том, что большевики не только финансировались, но и в значительной степени контролировались Берлином.¹⁶

Одно из огорчительных следствий этой теории касалось немецких, австро-венгерских и других военнопленных, захваченных русскими. Из приблизительно полутора миллионов¹⁷, не считая турок, немцы составляли лишь десять процентов. Половина или чуть больше военнопленных находились в Сибири. В марте 1918 года после ратификации Брестского мира пленные, многие из которых уже довольно широко пользовались личной свободой, формально вообще потеряли статус военнопленных, однако из-за хаоса на русских железных дорогах их репатриация, в лучшем случае, была медленным процессом. Появились доклады о том, что эти огромные массы брошенной на произвол судьбы солдатни получают или сами достают оружие. В скором времени военнопленные стали стратегическим пугалом.

Так никогда и не выяснилось, как именно, по мнению Антанты, они могли навредить ее делу. Достаточно было того, что о них думали как о немцах, и, хотя подавляющее их большинство вовсе таковыми не являлось, фантастическая теория большевистско-германского заговора становилась все более грозной и загадочной. Британцы боялись, что застрявшие в Туркестане станут ядром военного контингента, угрожающего Индии. В газетном интервью 23 апреля 1918 года французский посол в России говорил о немцах, «пытающихся организовать колониальные центры в Сибири». Также не исключалась возможность использования военнопленных для переправки ценных военных материалов в Германию. И наконец, появлялись сообщения о их вербовке в Красную армию.

¹⁶ Как ни странно, подобное заблуждение господствовало и во влиятельных германских кругах. «Русскую революцию организовала Англия» (*Хоффман Макс*. Война упущенных возможностей).

¹⁷ Истинные цифры могут быть гораздо выше. Один достоверный источник только по австрийским военнопленным приводит следующие данные: взято в плен 2 111 146; умерло от ран 150 000; умерло от голода, болезней и по другим причинам 530 000; убито 30 000; погибло во время Гражданской войны 11 000 (*Крист Ту став*. Военнопленные в закрытой стране).

Для этих сообщений действительно имелись некоторые основания, однако в большинстве случаев опасения Антанты в отношении пленных были на удивление нереалистичными, ибо политики совершенно игнорировали человеческий фактор и снова смотрели на ситуацию с точки зрения шахматистов. Здесь, здесь и здесь (говорили эти стратеги) скопилось так много сотен тысяч вражеских солдат, что сдерживать их далее невозможно. Они – сметенные с доски пешки, которых, как это ни прискорбно, вернули в игру. Как противник передислоцирует их?

На этот вопрос стоило бы отвечать лишь в том случае, если бы люди не были подвержены ностальгии, болезням, недоеданию и деморализации. Здравый смысл должен был подсказать стратегам Антанты, что военнопленные, в большинстве своем свыше трех лет содержавшиеся в тяжелых условиях и принадлежавшие к полудюжине враждебных национальностей – причем офицеры были изолированы от рядовых, – могли быть в российской ситуации не более чем ничтожным фактором. Однако здравый смысл едва ли был главной составляющей стратегии интервенции. Все продолжали доверять множившимся сообщениям о том, что военнопленные, несмотря ни на что, представляют серьезную угрозу. Типичный пример – заявление помощника британского военного атташе в Пекине 3 июля 1918 года: «Нет никаких сомнений в том, что в Забайкалье огромными темпами возрастает влияние Германии».

И это заявление, и многие ему подобные были вздором, хотя советские власти действительно делали все возможное, дабы заставить военнопленных отказаться от службы их родным странам и вступить в Красную армию. Вначале это происходило в значительной мере по идеологическим мотивам. Большевизм проходил наивную, почти сентиментальную фазу ожидания в ближайшем будущем мировой революции. Военнопленным представлялся шанс стать «интернационалистами» – как называли тех, кто поддавался пропаганде, – на основополагающем этапе. Позже, когда Троцкий взялся за реорганизацию Красной армии, необходимость в рекрутах, особенно в уже тренированных солдатах, заставила обратить особое внимание на военнопленных. С самого начала количество добровольцев оказалось неутешительно малым, но эта преграда могла быть и была преодолена предоставлением привилегий, включая иногда усиленное питание для тех, кто вступал в Красную армию добровольно. Такими практичными методами удалось сколотить значительное войско на бумаге, однако и оно составляло лишь около пяти-шести процентов общего числа военнопленных. Мало кто из «интернационалистов» имел оружие, к тому же им – за исключением одного или двух случаев – не разрешалось формировать собственные отряды; их распыляли по русским воинским частям.

В марте Локкарт, считавший страх перед военнопленными необоснованным, но совершенно замученный «раздраженными» телеграммами из министерства иностранных дел, поднял этот вопрос в беседе с Троцким. Троцкий заявил, что бесполезно что-либо опровергать, пусть, мол, союзники сами поедут и посмотрят. В ту же ночь капитан Хикс, один из немногих сотрудников Локкарта, и майор Уэбстер из американского Красного Креста специальным поездом покинули Москву. Оба наблюдателя шесть недель провели в Сибири, где некоторое время работали вместе с американским военным атташе из Пекина, проводившим аналогичное расследование.

Их доклады, особенно доклад Уэбстера – Хикса, были утешительными за исключением одного факта: некоторое количество венгров как раз направлялось на борьбу с Семеновым. Наблюдатели не видели сами и не слышали ничего о военнопленных, вооруженных для выполнения военных задач, хотя в лагерях караульные имели винтовки для отпугивания воров. «Мы можем лишь добавить, – отмечалось в докладе, – что, увидев этих вооруженных военнопленных и познакомившись с их составом и настроениями, мы пришли к выводу, что они не представляют угрозы для стран Тройственного согласия».

Выводы наблюдателей несколько не ослабили тревогу в Лондоне и Вашингтоне, где, похоже, на доклад Хикса – Уэбстера не обратили никакого внимания. Их беспристрастность подвергнули сомнению, поскольку их начальники Локкарт и Рэймонд Робинс считались в обеих столицах слишком благосклонно настроенными к Советам, да и сам доклад не производил впечатление абсолютно объективного. Хикс и Уэбстер находили всех встречавшихся на их пути советских чиновников «искренними и умными людьми... скромными и, по всей видимости, не планирующими мстить за прошлые обиды». В министерстве иностранных дел сочли, что поверившие в это могли поверить во все, что угодно, и доклад, в основном точный, несколько не поколебал официальную веру в грозных военнопленных.

Против кампании по вербовке «интернационалистов», наиболее оживленной с середины марта по конец мая, больше всех протестовали пленные офицеры. Яростные протесты выражали и правительства центральноевропейских держав (противников Антанты во время Первой мировой войны. – *Примеч. пер.*), чьей единственной целью (в противоположность убеждениям союзных держав) было скорейшее возвращение домой их полуголодных подданных. Вербовку прекратили, а «интернационалистов» освободили от службы большевикам в мае – июне, когда в Россию начали прибывать немецкие и австрийские комиссии по репатриации. Однако принятые меры не удержали правительства союзных держав от продолжения разговоров, а в конечном счете и действий, как если бы на огромных неизведанных пространствах России действительно концентрировались многочисленные вражеские войска. 1 сентября 1918 года – по меньшей мере через два месяца после того, как последний ошеломленный венгр вернул свою устаревшую берданку на интендантский склад – британский премьер-министр поздравлял доктора Масарика с «потрясающими победами чехословацких войск, одержанными над немецкими и австрийскими армиями в Сибири».

Доктор Бенеш, главный сотрудник Масарика, командовал парижским штабом Чехословацкого национального совета и часто посещал Лондон. Как он отмечал впоследствии, никто ни в одной из столиц не придавал ни малейшего значения челябинскому инциденту. Разразившаяся в результате него борьба, закончившаяся тем, что чехи захватили власть над ключевыми городами Урала и Сибири, поначалу считалась событием исключительно местного значения. Французы сожалели о том, что теперь продвижение чехов к Владивостоку и Архангельску может быть отложено на неопределенный срок. «Я каждый день видел, – пишет Бенеш, – доказательства того, что Франция противится вовлечению нашей армии в войну в Сибири и считает важной ее передислокацию на Западный фронт». Горстка французских офицеров связи с легионом, очень далеких от тех *провокаторов* интервенции, какими их описывают советские историки, продолжала уговаривать чехов не делать ничего, что могло бы помешать им добраться до транспортных кораблей.

К середине июня 1918 года вдоль всей Транссибирской магистрали от Тихого океана до Волги сложилась примерно следующая ситуация.

Во Владивосток прибыли чешские войска в количестве 12 тысяч человек; их не ждало ни одно транспортное судно. Амурская железная дорога (последний участок Транссибирской магистрали, огибавший границу с Северной Маньчжурией от Карымского до Владивостока) в значительной степени находилась во власти большевиков.

Вокруг Карымского располагались отряды Красной армии, только что вытесненные Семеновым с территории Китая.

Между Карымским и Иркутском, главным оплотом большевиков в Сибири, стояли три чешских эшелона.

Между Иркутском и Омском стояли восемь чешских эшелонов.

Между Омском и Пензой находилась вся 1-я чешская дивизия, теоретически направленная в Архангельск.

И без того запутанная ситуация еще больше осложнилась нарушением телеграфной связи, причины чего остались невыясненными. В конце мая – критическом периоде для чехов – один из их французских офицеров связи заметил, что «шифрованные телеграммы не проходят Мариинск»; только 31 мая иркутский эшелон узнал о важных решениях, принятых в Челябинске неделей ранее, и их причине. И позднее лишь с прибытием чешского курьера в Иркутске получили известие о том, что их соотечественники отбили у большевиков Самару. Нет смысла говорить, насколько серьезными были последствия этого запаздывания, но и оно, и другие аналогичные нарушения почти наверняка помогли затуманить картину событий, сведения о которых с трудом достигали Владивостока и – что более важно – свести на нет отчаянные усилия чешских политических лидеров, пытавшихся с помощью настоятельных телеграфных приказов удержать свои самые западные отряды от вмешательства во внутреннюю русскую политику. Неоднократные предупреждения самому импульсивному из тех офицеров, капитану Рудольфу Гайде, остались не услышанными.

29 июня, с полного молчаливого одобрения военно-морского командования и консульского корпуса стран Антанты, чехи захватили власть во Владивостоке; неделю спустя на Урале была захвачена Уфа, и под полным контролем легионеров оказалась почти вся Транссибирская магистраль от Иркутска до Пензы. Численность чешских войск на этом секторе магистрали длиной около 4800 километров составляла всего лишь 40 тысяч, и они не смогли бы добиться столь поразительных успехов без помощи местных контрреволюционных сил. Ободренные действиями чехов, эти силы появлялись повсюду, и кое-где их вклад в победу был неocenim, а в результате сотрудничества они автоматически становились властными преемниками изгнанных большевиков.

Таким образом, возникла случайная и пестрая смесь региональных режимов, из коих самыми значительными были Западно-Сибирский комиссариат (весьма реакционный, базировавшийся в Омске) и западнее, в Самаре, – Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания, состоявший в основном из социал-революционеров. Над Омском развевался зелено-белый флаг, олицетворявший леса и снега Сибири, над Самарой реяло красное знамя. Омск претендовал на власть по всей Сибири, Самара настаивала на том, что она – по меньшей мере потенциально – является правительством всей России. Отношения между обоими правительствами были неизменно натянутыми.

Тем временем во Владивостоке, и тем более вне России, положение находящихся в самой западной точке чехов ошибочно считали таким же безвыходным, каким оно казалось на карте. Телеграфная связь, как мы уже упоминали, была ненадежной, слабость большевистской власти в Сибири еще предстояло осознать, а массы военнопленных тревожили все больше.

В телеграмме, посвященной чехам, во вторую неделю июня один из чиновников британского министерства иностранных дел отметил: «Я хотел бы в последний момент использовать этих чехословаков. Их вмешательство почти наверняка <...> запустило бы весь процесс». Неделей ранее столь же страстное желание «использовать» чехов подразумевалось в решении о их будущей роли, принятом Верховным военным советом Антанты, и было охарактеризовано Кеннаном как «один из тех странных и бесполезных компромиссов, к которым склонны энергичные правительства». В Версале ничего не знали о полной перемене в положении чехов, явившейся результатом челябинского инцидента и его последствий, однако приняли решение добиваться от Чехословацкого национального совета «принципиального одобрения» задержки «некоторых чешских воинских частей» в Мурманске и Архангельске, куда, как ошибочно полагали, все еще продвигались самые западные чешские эшелоны. В то же время Японию попросили предоставить суда для эвакуации остальных (то есть всех, расположенных западнее Омска) из Владивостока. Верховный военный совет Антанты

настолько не владел ситуацией на Урале и в Сибири, что его решения могли представлять лишь академический интерес. Дело заключалось в том, что обе половины чешской проблемы следовало решать так, чтобы по меньшей мере часть легиона оставалась под рукой для активных действий на российской территории. Курс на скорейшую передислокацию всех чехов на Западный фронт еще господствовал во французских официальных кругах, однако на самом высоком уровне его разъедал порыв вмешаться во внутренние дела России.

К июню 1918 года сибирский вопрос стал «основной проблемой американской внешней политики», а американская внешняя политика всегда была для Антанты основной проблемой сибирского вопроса. Кратко ситуацию можно обрисовать так: только Япония могла предоставить главные компоненты вооруженной интервенции, потому что лишь у нее были свободные войска и транспорт и лишь она располагалась достаточно близко к Сибири. Америка не была готова дать все необходимое, главным образом, потому, что не доверяла Японии, а отчасти потому, что не хотела отвлекать даже самую малую часть своих сил и средств от Западного фронта. Следовательно, все зависело от того, захочет ли Америка изменить свою позицию.

Трехмесячные попытки Франции и Британии воздействовать на США потерпели неудачу. Однако в непробиваемом отказе от сотрудничества президента Вильсона начали появляться трещинки, едва различимые вне официальных вашингтонских кругов. «Германские» военнопленные его беспокоили и прежде; в мае он вдруг заинтересовался, «существует ли какой-нибудь законный способ помочь» Семенову, а в конце того же месяца успешно возобновленное немцами наступление во Франции подчеркнуло назревшую необходимость каким-либо образом облегчить давление на Западный фронт. Затем зародились мучительные сомнения в том, имеет ли президент право неизменно выступать против желаний своих союзников. В Вашингтон прибыл Масарик, ратовавший за поддержку дела чехов. Наметились положительные сдвиги в бесконечных переговорах с Японией о взаимоприемлемом базисе сотрудничества в Сибири.

Эти и другие факторы, включая страстную мольбу главнокомандующего войсками Антанты маршала Фоша, не изменили точки зрения президента, но помогли подготовить почву для ее изменения. Когда к концу июня подробные отчеты – обильно сдобренные ошибочной информацией о немецком влиянии и враждебно настроенных военнопленных в Сибири – открыли Вашингтону глаза на положение чехов в Сибири, как многообещающее, так и опасное, Вильсон почти мгновенно развернул американскую политику на сто восемьдесят градусов. Образ действий, до сих пор диктовавшийся лишь целесообразностью (причем весьма сомнительной), теперь объяснялся бескорыстной заботой о чужом благе; подозрительная и туманная затея превратилась в спасательную операцию с исключительно гуманными целями. Государственный секретарь США Лансинг резюмировал: «Чехи существенно изменили ситуацию, внося сентиментальную окраску в вопрос нашего долга».

Решение США послать воинское соединение в Сибирь было принято – весьма поспешно, 6 июля. В своем «Решении об интервенции» Кеннан анализирует предысторию этого решения и любопытную двусмысленность официально объявленных причин его принятия в трех слегка различающихся версиях. Чехов необходимо спасать, или, вернее, помочь им спастись, ибо цель американского военного вмешательства была определена как «прикрытие чешских тылов, управляемое из Владивостока». Только от кого требовалось спасать чехов? И от кого прикрывать их тылы? Ни на один из этих вопросов не было ответов в *Памятной записке*, которую президент отпечатал на собственной пишущей машинке, явно ни с кем не посоветовавшись, и которую 17 июля госсекретарь представил послам стран Антанты (правда, в опубликованном две недели спустя варианте главными злодеями назывались «вооруженные немецкие и австрийские военнопленные»).

«Военные действия, – утверждалось в *Памятной записке*, – допустимы в России... только для того, чтобы помочь чехословакам консолидировать свои силы и начать успешное сотрудничество с братьями-славянами, а также стабилизировать любые попытки самоуправления и самообороны, в коих сами русские, вероятно, пожелают принять помощь». Эти туманные фразы почти бессмысленны. Какие русские? Самооборона от кого? И кроме всего прочего, какое отношение имеет помощь чехам «начать успешное сотрудничество с братьями-славянами» (против некоторых из коих они отчаянно сражались уже несколько недель) к победе в войне с Германией?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.